

ОКСАНА КРЮКОВА

КИЕВСКАЯ РУСЬ

ВОЛК

16+

Оксана Крюкова
Киевская Русь. Волк

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Крюкова О.

Киевская Русь. Волк / О. Крюкова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

История молодого и смелого новгородца Ярослава, который благодаря своим воинским талантам попадает в дружину к Великому князю Киевскому Святославу. Жизнь сделает Ярослава жестоким и грозным воином русичей. Он познает на своём пути много крови и насилия. И станет знаменитым воеводой Волком, о чей лютости, беспощадности и хитрости сложат легенды. Много жертв Волк принесёт Перуну на ратном поле, и его сердце закалится в холодную броню. Но только одно он никогда не сможет забыть - свою первую и истинную любовь к прекрасной киевлянке, с которой повстречался ещё юнцом. Зеленоокая красавица изменила когда-то его жизнь в одночасье. И что же теперь возьмёт верх - жестокость, жажда крови и насилия или первая чистая, как утренняя роса, любовь?

Глава 1

964 год от Р. Х.

Князь Святослав прибыл в Новгород, где по малолетству княжичем был. Именно здесь он хотел пополнить свою дружину верными и смелыми воинами. Новгород славился по всей Руси вольными нравами и дерзкими молодцами. И именно из этого града, славного и сильного, выходили достойные князья и воеводы, прославляющие себя на ратной службе.

Молодой всадник двадцати двух лет от роду въезжал в распахнутые ворота града. Весь Новгород высыпал на улицы, дабы поприветствовать князя Киевского, который только что взял на себя бразды правления, сделав уважаемую матушку свою Ольгу советчицей и помощницей.

Святослава встречала вся пришлая знать от крестьян до бояр. Народ, высыпавший на улицы, приветственно кричал и подкидывал шапки. Всем было радостно, что князь свою дружину славную решил пополнить именно с Новгорода, с вотчины своей по малолетству.

Проехав по главной улице, Святослав направился к терему посадника. Бояре да посадник новгородский, стоявшие у крыльца добротного большого терема, поклонились ему в пояс да хлеб с солью протянули.

– Да пребудет с тобой благословение Перуново, князь Киевский, – молвили все разом.

– Добро встречаете, добро, – ухмыльнулся князь в усы свои и хлеб с солью принял.

– Знаете, зачем прибыл? – спросил Святослав посадника.

– Знаем, а как же не знать! Сам великий князь в Новгород навещается, чтобы дружину свою пополнить.

– Молодцы-то готовы?

– Готовы! Каждый, небось, за честь примет в твоей дружине служить. Да только, князь, просим тебя сегодня нас на пиру своим присутствием попочевать в честь твоего приезда, а вот завтра воевода наш молодец тебе лучших и покажет.

– Тогда решено, веди в хоромы свои, посадник, потчуй, – и князь первый прошел в терем, посадник и все остальные двинулись за ним.

А вечером пир славный новгородцы своему князю закатили. Столы ломились от яств, всюду музыка да песни звучали, скоморохи бегали меж ногами, хвалы князю молодому вознося и местных бояр понося всем на смех, да только князю не до веселья особо-то было. Дело важное приехал делать, дружину пополнять. Нужны ему отважные да храбрые воины молодые, чтобы князю верны были. Он-то задумал дело Олегово да Игоревое продолжить, Киевскую Русь далее укреплять, хазаров усмирить да с Византией на равных разговаривать. Воины-то славные у него есть в дружине, да поредели больно в походах ратных. Вот и решился князь клич кинуть молодцам русским, дабы в его дружину пошли. Но только лучших отберет князь, только самых ловких и смелых во славу русской земли служить. А желая дань чести отдать Новгороду, граду, где он уму-разуму учился по молодости, князь и решил с него первого воинов подобрать.

А пока князь думы думывал свои, как бы Русь укрепить, пир в самый разгар вошел. И смех, и брань слышались, кто-то кому-то морду бить начал. Да князь на это внимания не обращал. Новгород тем и славился, что вольным был и жил по-своему.

На следующее утро воевода новгородский согнал всех молодец на поле подле стен града князю на смотр. Более сотни статных парней предстали пред светлыми княжескими очами.

– Хороши, хороши. Славные богатыри с них станутся! А подскажи-ка мне, воевода, которые из них лучшими у тебя числятся.

– А вон тот белёсый, что посередине стоит, и вон тот в конце, рослый такой, – указал пальцем воевода на двух молодец.

– И в чем они сильны?

– Тот, что белёсый, стрелок меткий, я никогда таких на своем веку не видывал, да следопыт славный. Тот, что в конце стоит, хорош с копьем и с булавой, лучше его нет. Хотя Ярослав – тот, что посередине, – бивал его и не раз на тех оружиях.

– Ну что ж, посмотрим. Пусть все по парам встанут да в схватке свою силушку и покажут.

Не дожидаясь указа воеводы, ловя каждое слово князя на лету, молодцы быстро по парам друг напротив друга встали и начали бороться, кто на мечях, кто на копьях, кто на булавах. Один Ярослав без пары остался. Никто не хотел с ним сражаться да срамиться: боялись его, знали – ловчее никого среди них нет.

– Ну, коли ты один остался, – сказал ему воевода, – вот и покажи князю, какой стрелок ты меткий.

Ярослав немедля достал из-за спины лук и стрелу. Вверх поднял, на небо нацелился. Тут же стрела со свистом ввысь устремилась до облаков, и через мгновение на землю сырую прямо в ноги князя селезень упал. Улыбнулся князь, да решил молодцу спуску не давать.

– Ну, птицу-то каждый подстрелить мастак, кто с луком обращаться умеет, а ты что-нибудь посложнее подстрели. Вон, видишь, – продолжил князь и указал рукой на ближайший лес, – там на ветке два тетерева сидят? Их подстрели.

Расстояние до леса приличное было, да и тетерева в листве прятались. Но не смутился Ярослав, взял лук, вложил в него две стрелы и натянул тетиву. Вылетели две стрелы сразу и поразили птиц, князь только диву и давался. Не было еще такого на Руси, чтобы сразу несколькими стрелами на большом расстоянии цель кто-то мог сразить.

Пригляделся Святослав к молодцу. Статный, не сильно высок, но и не низок, такого же роста, как князь. Широкоплечий, руки сильные, голова белокурая на солнце сияет, а глаза, как у князя, светлые, да только не ярко-голубые, а серые. Молодец на него прямо смотрел, без страха, но и без вызова, с каким-то охотничьим прищуром, будто дичь высматривал. Князь про себя улыбнулся, себя узнал в молодце. Значит, сладят.

– Вот что, Ярослав, – промолвил князь, – стреляешь ты славно. Теперь сразись с тем, кто всех других в прямом бою победил.

Ярослав оглянулся на другов своих. И ничуть не удивился, когда его в пару с Мстиславом поставили, тем самым, что в конце строя стоял и на кого воевода тоже ранее указывал.

Улыбнулись воины друг другу, так как давно уже друзьями были.

– Ну, смотри, Ярослав, я тебе пощады не дам, хоть ты и друг мне! – весело крикнул стрелку Мстислав.

– Эге-ге, это мы еще посмотрим, на чьих поминках плакать бабы будут! – весело отозвался Ярослав и на бегу, подхватив меч, схлестнулся с напарником.

– Други они верные, раньше недолюбливали друг друга, да потом как Ярослав Мстиславу жизнь спас, так и подружились, братьями назвались, – пояснил воевода удивленному такой веселой перепалкой князю.

Но друзья не солгали, действительно слабину друг другу не давали. Бились словно насмерть. То Мстислав ударял мощно и ловко, а Ярослав уворачивался, то Ярослав стремительные удары наносил да сильные. Хотя Мстислав был выше и крупнее своего друга, второй ему ни в чем не уступал и даже превосходил. Ярослав и удары наносил ловчее и смелее, да уворачивался быстрее, вовремя щитом отбивая атаки противника. Может, они и до вечера бы бились, если б Ярослав не решился на хитрость. Приоткрыл он себя немного щитом да сделал вид, что на траве поскользнулся. Мстислав тут же на него набросился, замахнувшись мечом, но Ярослав вмиг собрался и, нырнув вниз от удара, устремил меч прямо в живот другу. От смертельного ранения соперника защитило то, что Ярослав лишь прикоснулся к кольчуге и вовсе не собирался протыкать ее. Мстислав, когда опомнился, понял, что проиграл.

– Ну и смекалист же удалец, – обрадовался князь. – Пойди ко мне!

Ярослав быстро подошел, но не бегом, чтобы князь не зазнавался, чай они в Новгороде, а здесь всегда своя управа была. Святослав это тоже оценил, приметив в пареньке силу духа и гордость, что для славного воина важны.

– Годков-то тебе сколько? – спросил Святослав.

– Семнадцать, пресветлый князь.

– Молод еще.

– Да уж и князю-то не более двадцати трех, – смело ответил Ярослав, – а вон, уже князь Руси всей.

Воевода хотел было хлестнуть дерзкого молодца, что князю так ответил, да сам князь не дал.

– Ты не кипятись, воевода, молодец правильно отметил, не в возрасте дело, а в силе духа и руке, что меч на врага поднимает. А за ответ смелый беру его кметом к себе. Конь-то у тебя есть, али крестьянский сын не накопил еще?

– Коня-то достал, князь, как узнал, что ты к нам намереваешься ехать дружину пополнять. Да не крестьянский сын я, пресветлый, а кузнеца новгородского.

– Ух и дерзок ты, – прикрикнул на Ярослава воевода. – Как с князем говоришь?!

Ярослав лишь немного потупился от криков начальника бывшего.

– Ничего, мне и такие дерзкие нужны. Чтоб завтра по зорьке ранней уже в дружине был да во всем оружии. Коль проявишь себя славно, десятником сделаю! – пообещал ему князь, пришпорив своего коня, да помчался к граду. Воевода за ним следом.

– Слушаюсь, – тихо сказал Ярослав, чуть голову склонив и глядя на удаляющегося князя. И на душе хорошо стало.

Все у него складно получилось. Вот и дружинником стал самого князя Киевского. Все как хотел, так и сбылось.

Князь, соскочив по-молодецки с лошади подле терема посадского и кинув вожжи конюху, тут же устремился внутрь терема, перепрыгивая ступеньки. Доволен был. Хороших молодцев в дружину возьмет себе.

– Князь, князюшка! – закричал ему вслед запыхавшийся воевода. – Погоди, пресветлый. Святослав остановился во внимании.

– Не бери ты этого молодца себе в дружину, бед с ним не оберешься.

Князь пристально всмотрелся в очи воеводы, да так, как только он умел, сурово и властно.

– А чего ж мне его не брать? Он себя хорошим воином показал. Я его надумал десятником сделать. Хоть и мал для того, да пусть проявится поначалу и старается в полную силушку, а там и посмотрим. Так отчего ж не брать?

– Да подлый он, ни чести, ни страха не знает, богов не боится!

Святослав задумался.

– Чего-то ты, воевода, недоговариваешь. Аль на молодца зуб точишь?

– Что ты, что ты, князюшка! Нет зубов, у нас, воинов, нельзя так. Если воин хорош, то ему все прощается.

– И я о том же. А коли говорить не хочешь, чего ты на него так взъелся, на том и покончим, – и Святослав в терем удалился, оставив на крыльце в поклоне согнувшегося воеводу.

Когда Святослав посадника нашел за делами мирскими, прямо в лоб и спросил:

– Чего это воевода на Ярослава, сына кузнеца, взъелся?

Посадник как сидел, так и онемел.

– А откуда, князюшка, тебе это известно стало?

– На то я и князь, чтобы все знать, – Святослав, задумавшись немного, продолжил: – Воевода сам себя выдал, вот и узнал. Так что же у них там приключилось?

– Ох, князь, непростая это история, – промолвил тихо посадник. – Да только что я скажу, пусть между нами и останется, а то ты уедешь с дружиной своей, а я тут с воеводой один на один останусь, и туго мне будет.

– Не бойсь, тайну твою не выдам.

– Да не моя тайна-то, а воеводы.

Святослав сел на стул резной и принял позу сосредоточенную, давая понять, чтобы посадник продолжал.

Тот быстро оглянулся по сторонам, убедился, что никого в горнице нет, да дверку прикрыл.

– Ну тогда слушай, князь, – вздохнул посадник. – Ярослав, сын кузнеца новгородского, кой среди местных очень уважаем, дочку воеводы опорочил, та девкой еще была.

Святослав нахмурился.

– Продолжай, – велел посаднику.

– Воевода расправиться с сыном кузнеца хотел, голову отрубить, да кузнец заступился: мол, дочка твоя сама окошко в почивальню Ярославу открывала. С нее и спрос. Но воевода все равно не унимался. Ведь дочка его не чета сыну кузнеца! Уже было поймали Ярослава, когда тот из Новгорода сбежать пытался, да слух пришел, что сам великий князь к нам едет дружину пополнять, славных молодцев набирать. И кузнец снова за сына заступился, мол, приедет князь, а лучшего молодца и нету, порешил его воевода. Кузнец так и сказал: мол, князю все расскажу, как ты лучшего новгородского воя сгубил прямо перед приездом пресветлого.

Посадник снова вздохнул, а князь продолжал внимательно слушать.

– Вот так Ярослав и спасся и к тебе в дружину попал, теперь-то воевода его точно не тронет, побоится.

– Да, неславное дело тут, неславное, даже крамольное, – огорчился князь.

– Да ты, князь, не спеши-то с решениями. Коли Ярослава к себе забрал, он тебе лучше всех службу сослужит. Верным будет да смелым. Ему сам Перун покровительствует. Когда родился, молния ударила в небе. Уже тогда все знали, что воин славный выйдет из мальчика. А то, что с девкой вышло... Ну, не только его вина в том. Дочка воеводы и впрямь дурного нрава. Всем молодцам привольно улыбалась, хихикала да шушукалась с ними по углам, на сеновале пару раз находили ее в объятиях молодецких, да успевали от позора спасти. И Ярослав на удочку попался. Как вернулся из лесов после зимы весь мехами наполненный, так она ему ходу и не давала. Вот и не сдержался. Оно-то и понять можно, дело молодое...

– А что это ты за него заступаешься, а, посадничек? – усмехнулся князь.

– Да хороший парень-то пропадет, коли ты его под суд отдашь. Из-за бабы пропадет. Тьфу! – сплюнул посадник смачно, показывая свое пренебрежение всем женским родом.

– Не отдам под суд, коль в дружину взял. Да про баб его предупрежу, чтоб в Киеве от девок знатных аж за версту держался, иначе сам на кол посажу.

– Вот и славно, вот и славно, – промолвил посадник. – А коли все решено, то помоги рассудить мне, князь, дело одно сложное, твоя голова светлая мне нужна.

И пригласил посадник князя на берестяные грамоты посмотреть, на столе разбросанные. Так и закончили день, сидя за грамотами и дела важные новгородские решая.

На следующий же день князь с дружиной своей новою да десятниками верными двинулся обратно в Киев. Пора ему было новичков ратному делу обучать и в строй вводить. Хазары на границах оживились, видимо, по лету набеги возобновят. А кому ж Русь защищать, как не князю с его верной дружиной?

Ярослав скакал на коне в самом конце строя. Младшеньким он был да новичком, не положено ему еще было вперед высовываться. Но все равно Ярослав гордо смотрел вдаль. Ведь

с самим князем разговор поутру держал. И доволен был разговором. Князь его пожурил сначала, что все о его выходке с дочкой воеводы знает. Прикрикнул, что в Киеве такого не потерпит и сам на суд отдаст, коли вой его знатных молодух порочить задумает. А потом хлопнул по плечу дружески и сказал, чтоб не серчал на князя, что тот его десятником сделать хочет. И коли будет от баб подальше держаться, чтобы те на скверну его не подталкивали, то обязательно еще до лета по службе подыметя.

Вот и скакал на коне своем гнедом молодой кмет, гордый и смелый, в будущем своем светлом уверенный. Волосы его белокурые из-под повязки налобной на ветру развеваются, глаза серые вдаль смотрят острым взглядом, как у хищного зверя, и оскал на губах волчий. Знает, что никакая баба помешать ему не сможет да дорожку перебежать. Не для того рожден был и Перуном отмечен. К бабам ко всем с пренебрежением относится, знает их сущность сучью. Им лишь бы подол перед молодым поднимать. А он и брал, все брал. Только к лучшим девкам града по ночам хаживал, к признанным красавицам.

Да вот Лель его попутал, когда он с зимы в град возвратился. Девки у него месяцев пять не было, а тут дочь воеводы ему сама на шею кидается. Ну и сгоряча да спьяну влез на нее в самом доме воеводы. А когда протрезвел утром да понял, что натворил, то сразу деру дал. А дочь воеводы его за рукав схватить успела и говорит сладким голосом, что, мол, если женится, помилует батюшка, а если нет, то конец ему. Ярослав только и сделал, что отбросил руку девичью да посмотрел уничижающе. Еще чего надумала – жениться! Да никогда! Не для того с детства на мече и луке тренировался. Мечтал воином славным стать. Ведь знала же дочка воеводы, что о женитьбе и не подумывал Ярослав, так она его хитростью решила взять. Вот себе же хуже и сделала. Пусть теперь воевода голову ломает, сколько ему приданого надо дать за дочку свою порочную, чтобы хоть кто-нибудь женился. А он, вольный молодец, уже и далеко от Новгорода, по пути к ратной славе. Вот все и сбылось!

Улыбнулся Ярослав мыслям своим.

– Чего просиял так, Ярослав? – крикнул друг по оружию Мстислав, коего тоже к князю в дружину взяли.

– Да так, думаю, как славно-то в Киеве заживем под князем.

– Это точно! – согласился друг.

А Ярослав тем временем задумался о Киеве. Поговаривали, что девок там красных много, и одна лучше другой. Да только с девками теперь ему туго придется. Хоть он молодец видный да горячий, будет голову в холоде держать, чтобы не напроказить, а то ведь князю обещался. Век ему обязан будет, что простил и из дружины не выгнал.

Когда Святослав прибыл с дружиной в Киев, его всем народом встречали, уж княгинюшка Ольга постаралась. Любила она сына своего и души в нем не чаяла. Но голову не теряла, воспитывала как князя будущего в строгости и прилежности. Вот и вырос он воином славным, в делах ратных умелым, с головой мудрою. Вон и о крепости Руси уже думает, это в двадцать два годка-то.

Так рассуждала про себя княгиня Ольга, встречая сына у крыльца княжеского терема. Внимательно рассмотрела дружину новую, в ряд выстроенную. Хороши молодцы, все сильные, статные да с глазами смелыми. Добрыми будут помощниками сыну ее в делах ратных.

Поклонилась Ольга сыну, а он ей в ответ, так как чтит мать как равную себе и во всем на нее полагался.

– С возвращением, Великий князь, сын мой, Киев уже пригорюнился по тебе.

– Вернулся я, матушка-княгинюшка, да не один, а вон с какими воинами славными.

– Вижу, князь, вижу, молодцы славные, хорошо подобрал, – и обратилась она к дружине молодой громогласно: – Служите сыну моему князю Киевскому верно да смело, и вам почет будет во всей Руси!

– Послужим, княгиня, послужим! – хором отозвались воины и поклонились матери начальника своего.

На том и разошлись. Князь в покои свои, а дружинники на постой. Им предстояло тренироваться каждый день, есть с одного котла да спать в одной избе.

Началась у Ярослава служба ратная с показательного боя, кой сотник его устроил, чтобы проверить славного молодца. Не посрамился боец, всех кметов победил и на мечях, и на луке, и на копьях. Только вот в булаве уступил признанному воину киевскому Радомиру, старше Ярослава на три годка и крупнее его по росту. Но все равно Ярослав умудрился измотать его аж до отдышки.

– Выйдет воин славный из тебя, – сказал сотник Ярославу, – только вот с булавой потренируешься еще. Сказывал мне князь, что десятником надумал тебя сделать. Что ж, попривыкни к ребятам нашим и пусть они к тебе, дружбу заведи с местными, а там и десятником можно сделать, хоть и молод ты. Но за удаль и смекалку будет то тебе наградой. Такие вои, как ты, раз в десять лет встречаются, точно тебе скажу, а то и в пятьдесят.

И похлопал его сотник дружески по плечу, оставляя среди своих.

Ярослав сразу смекнул, что не стоит сильно значимость здесь выказывать, мал еще, да местные к нему пристально приглядываются. Сильно на рожон не стал лезть, все в сторонке отсиживаясь. Но с Радомирком сразу подружился. Прославленный на боях с булавой, тот в Ярославле равного увидел и дружбу первый предложил. А там и с Мстиславом сдружился вой киевский, кой хоть и уступал своим друзьям в ловкости да умениях, но был смел и дерзок в бою.

Так прошел месяц, в тренировках да боях парных. Сам князь заглядывал на смотрины, как вои его тренируются. Даже вызвал на бой Ярослава, да тот не поддался князю и победил пресветлого. Князь не обиделся, поражение с честью принял и дружески расцеловал молодого дружинника.

– Вот на таких воинах Русь держаться будет, как ты, Ярослав!

– Может, пора десятником его сделать? – спросил подошедший к князю сотник. – Местные его уважают, стрелок он уже на весь Киев известный, таких, как он, зорких да метких давно у нас не было. Друзей у него много завелось среди воев, пора парня попробовать над людьми ставить.

– Успеется, воевода, успеется, – ответил князь, а подумав, добавил: – Ты его на недельку в Киев пусти, пушай отдохнет пред назначением. Возвышение по службе и новые обязанности добавит, вот пусть и погуляет да свежим воздухом подышит, град посмотрит.

Сам князь при словах этих внимательно на молодого воя посмотрел. Понял Ярослав, что князь решил его проверить девками, сдержит ли кмет молодой обещание свое. Ох, а по бабам как хотелось-то! Уже месяц как сидит он тут взаперти да на луну воет. Кровь горячая молодецкая свое требует. Но ничего, испытание князя достойно выдержит, не подведет. Ведь князь только про знатных девок говорил, а про остальных помалкивал. А ему, Ярославу, и остальных хватит, чай, жениться не собирается.

– Тогда пушай все молодые вои идут гулять. Всех отпущу на неделю, коли им под новым десятником служить предстанет, что наверняка нелегким делом будет, – решил сотник, князя выводами своими насмешив.

На том и порешили.

Радомир, Ярослав и Мстислав важно прохаживались вдоль торговых рядов на ярмарке. За спинами у каждого любимое оружие было. У Ярослава лук, у Радомира булава, а у Мсти-

слава меч острый. Все на ярмарке на них пальцем показывали, мол, молодые дружинники князя идут. Мужики с завистью поглядывали на статью воинскую, а бабы со смущением, дивясь на молодецкую дерзкую красоту.

Друзья же не обращали внимание на зевак, своим делом занимались. Как настал день отпуска, так сразу в град и помчали. Квасу холодного пили, медовуху, да пряники ели свежие. Жалование у князя своим хорошее было, вот и наслаждались вольными деньками на всю деньгу.

– Вон, смотри, какая краля идет, видишь, бусы покупает, – указал Радомир друзьям своим на чернобровую киевлянку лет этак шестнадцати на взгляд.

– Проста уж больно, пару раз к ней побегаешь, потом надоест, – спокойно ответил Ярослав, лишь раз взглянув на молодницу.

– А ты почему знаешь? – удивился Радомир. – Пробовал уже, что ли?

И в голосе друга старшего обида слышалась.

– Да нет, друг мой, я бы тебе сразу об этом сказал, чтобы ты зря глаз на нее не клал. Просто вижу я их всех насквозь.

– Да неужто? Волхвом заделался, что ли?

– Да он просто на своем младом веку девиц уже вдоволь повидал, уже ничем не удивишь! – вступился за друга Мстислав.

– Эх, слышал я эту молву про новгородцев, что дерзкие они да девицы им отказать не могут, вот бы и мне так, – облизнулся Радомир.

– Это еще что! – продолжил расхваливать друга Мстислав. – Он саму дочь воеводы новгородского уложил.

– Шутишь? – воскликнул Радомир да диву дался. – Самого воеводы?!

– Да не слушай ты его, – огрызнулся Ярослав. – То по пьяни было, да после зимовки в лесу. Гордиться особо нечем. Тут не то что на дочку воеводы, тут и на посадскую влез бы после деньков таких холодных да под хмелем.

И друзья рассмеялись. Любил Радомир друга своего меньшего. Знал, что воин он лучше него, и на булаве скоро обскочит, да и у девок более успешен. Но Ярослав никогда этим не кичился и выше других себя не ставил. Наоборот, друзьям на их лучшие стороны указывал, чтобы гордились собой. Радомир всем похвалялся, что над ним десятник такой славный будет, что лучшего он и не мог желать.

– Раз ты дочку воеводы смог уложить, сможешь ли уложить киевлянку знатную? – решил вызвать на спор Радомир своего друга.

– Не, брат, на знатных киевлянок мне сам князь запретил смотреть! – тут же спохватился Ярослав, чтобы в глупость не встрять новую.

– Это тебе князь про девок непорочных говорил, а что скажешь про замужних-то?

Об этом Ярослав и ранее думал, что, мол, замужним все равно, невинностью уже не докажешь ничего, да и мужу не скажешь из-за стыда.

– Думаю, женок можно, – решительно ответил Ярослав.

– Ох, смотри, как бы не попался, – рассмеялся Мстислав, друг средний из троицы.

– Я на этом собаку съел, не попадусь.

– Тогда видишь вон ту, губки ягодкой да бедра какие пышные? – указал Радомир на боярыню молодую, что со слугами бублики в дом покупала.

– Верно подметил. Хороша и аппетитна, – облизнулся Ярослав, кровь в нем вскипела. Такой доброй молодухи пышногрудой давно у него не было. – Решили, ее!

– Да чтобы сегодня же она тебе окошко в опочивальню открыла, иначе спор проигран, – не унимался Радомир. Уж больно хотелось посрамить друга на любовном поле. Ведь Радомир и выше его, и брови чернявые, а младший друг у баб все равно в любимцах ходит. Все на него

заглядываются. Радомир только и отшучивался, что, мол, новгородец, девки таких любят за свободолобивый нрав и дерзость.

– А на что спор-то? – вмешался Мстислав.

– Ну, – задумался старший товарищ, – если выиграешь, Ярослав, да ночь сегодня с боярыней проведешь, то я тебя с зорьки утренней до полудня катать на спине буду, а коли проиграешь, то ты меня.

– Решено! – принял спор Ярослав твердым голосом. – Пошел я к ней, а вы, вои славные, следите и учитесь.

Ярослав тут же двинулся к боярыне, а друзья, сложив руки на груди, пристально следить стали.

– Обломает она его, – с надеждой сказал Радомир.

– Нет, не обломает, таким, как он, бабы не отказывают. Надо было тоже с вами поспорить, может быть, и разбогател бы на деньги, – усмехнулся Мстислав.

Тем временем Ярослав уже вплотную подошел к боярыне молодой, делая вид, что пряники хочет купить.

– Какая же сладкая ты, – шепнул он ей на ушко, убедившись, что прислуга не смотрит.

Боярыня повернула головку на тихий слегка с хрипотцой молодецкий голос.

– А губы у тебя, словно ягода сладкая, и вся ты желанная, медовая. Так и манишь к себе сильной мужской рукой обнять.

Боярыня побелела и ни слова не смогла вымолвить от такой дерзости. А Ярослав уже на талию ее руку свою горячую положил. Та аж вздрогнула.

«Ясно, мужика давно не было, раз так трясется. Пора действовать!» – заключил про себя Ярослав.

– Ты не бойся меня, дева красная, – шептал он боярыне, слегка касаясь горячими губами ушка девичьего. – Я как увидел тебя, так и понял: судьба моя. Я каждый взгляд твой ловил, каждое слово, что ты молвила своими устами сладкими. Не ответишь ласкою мне, помру я нынче же ночью.

Ярослав лил в ушки боярыне речи сладкие, а его рука талию жестче обхватила. Знал, что бабы силу любят. Так и случилось. Задрожала боярыня от напора молодецкого. Губки приоткрыла.

– Ты пусти меня сегодня в свою горницу, я любить тебя буду, так любить буду, что вовек меня не забудешь, – говорил он ей томно, а сам стал рукой по спине поглаживать, вызывая у боярыни сладкую рябь. Эх, по молодецкой силе-то как соскучилась.

– Приходи, – еле вымолвила боярыня, самой себе не поверив. – Приходи на Копченый переулок, там терем видный стоять будет. С левой стороны окошко открою в горницу.

– Вот и славно. Чтоб готова была. Любить крепко-крепко стану, – мурлыкал сладко Ярослав, поглаживая горячей рукой ее спину.

Та еще более задрожала. Никто ей никогда такого не говорил.

– Да как зовут тебя, раскрасавица? – спросил мучитель ее нежный, заглядывая в очи девичьи карие.

– Любой зовут, – не смогла отказать в имени молодцу, как заглянула в очи его серые. И поняла, что пропала. Тот смотрел на нее взглядом хищника, своего никогда не упускающего. Если решил, что она его будет, значит, так тому и быть. Прочитала то во взгляде его повелительном.

– Люба – любовь, значит, – продолжал Ярослав как ни в чем не бывало, сразу заметив, что выиграл, во взгляде боярыни прочитал свою победу. – Вот и буду любить тебя, да до утренней зорьки ласкать ночью сегодняшней.

И резко отдернув руку, отошел прочь. Та аж чуть не упала, лишившись опоры горячей. Быстро опомнилась, что имя молодца не спросила, да обернувшись, не нашла уже. Людей

больно много на ярмарке было. Да и никто молодца рядом с ней и не видел, будто не было его. Только знала Люба, что придет он сегодня, обязательно придет. Такие, как он, слов на ветер на бросают. Да и отметил он ее своим волчьим взглядом, как приговорил, никуда не денешься. Сама не пустит, так он сам в дом влезет.

– Ну что? – донимали Ярослава друзья, как только он к ним возвратился.

– Откроет окошко свое боярыня, – гордо ответил новгородец.

– Ну и ну, – присвистнул Мстислав, – я уже и сам стал разувериваться, уж больно долго ты с ней там шептался.

– Ты погоди, – остановил друга Радомир, – пусть он после ночи с боярыней принесет вещицу ее личную, чтобы мы точно знали, что не обманул. Пусть принесет бусики ее, что на ней сейчас, малахитовые.

– Да не любят молодухи, чтобы вещи их личные брали, мужей боятся, – строго ответил Ярослав.

– Ничего, не маленькая, скажет муженьку, что потеряла на ярмарке, – не унимался Радомир. – А то как докажешь, что бывал у нее, а?

– Ладно, принесу, – согласился Ярослав. Не хотел позориться перед другом старшим. Хоть тот и был по булаве лучшим, пока Ярослав опыта набирается в сложном для него оружии, но по жёнкам новгородца никому не обскакать, даже друзьям верным.

Глава 2

В доме купца Никиты Кузьмина все стояло вверх дном. Сундуки посреди комнат распечатаны, тряпки на полу валяются. А все потому, что глава семейства, Никита Емельянович, собирался отплывать с другими купцами в Корсунь дальнюю, дабы торговлю славную ладить. Все в доме суетились да шумели, давая друг другу указания, кроме одной девицы, дочери самого купца, Святославы. Сидела она у окна грустная, опечаленная. Щеки покраснелись после рыданий долгих. Любила Святослава отца своего. И не могла отпустить в столь долгий путь. Хоть отец обещался до зимы воротиться, все равно полгода ждать – долгий срок. Ранее он только по Руси торговал, да на месяц-два хаживал, а тут в Заморье собрался. И не было на душе дочери его старшей радости. А няньки да служанки все шуршали по дому одежками и утварью, нужной в плавании.

Вот и вечер наступил. Посадил Никита Емельянович семью свою у стола прощального да обратился к ним.

– Отплываем мы на зорюшке утренней, поэтому я должен уже сегодня на корабль пойти, чтобы завтра не задерживать. Таков указ нашего старшего.

В ответ купцу тишина. Святослава сидит бледная, как полотно, а сын младший еще мал, чтобы понять, что батя надолго уезжает, всего шесть годков ему только исполнилось.

– Ты, Святослава, за главную остаешься, – обратился купец к дочери, хоть и знал, как больно той слушать речи его, так сильно батюшку своего любила. Поэтому и замуж еще не шла, хоть пятнадцать годков уже стукнуло и женихов много хаживало. Боялась, что батюшке без нее грустно и одиноко будет, вот и не решалась его оставить.

– Будешь за челядью приглядывать, – продолжил купец, невзирая на молчание дочки, – порядок в доме чтоб был да хозяйство не померло. Смотри, чтобы Ивашка свиньям и коровкам каждый день свежий корм клал да сено и воду менял.

Святослава лишь согласно кивнула наказам батюшки.

– Смотри, чтобы меньшей брат твой читать учился да меньше голубей гонял по улицам, – Святослава снова молча кивнула, – а с тобой я тетку да дядьку твоих оставлю, чтобы присматривали да женихам от ворот порот давали до моего возвращения. Да еще Степан за тобой приглядывать будет и везде хаживать, чтобы не уволокли мою девицу охотнички до молодухек.

Смотри, Святослава, честь свою береги. Коли полюбишься кому, моего возвращения жди, из дома не смей уходить без моего на то разрешения. Коли прознаю, что честь не сберегла, сам... – не успел закончить свою суровую речь отец, как Святослава вскинулась из-за стола, посмотрела взглядом гордым на батюшку любимого:

– Все обо мне печешься, батюшка, али не ты меня воспитывал? Али не матушка меня учила девичьим уставам? А если не доверяешь мне, зачем тогда так далеко собрался? Зачем дочку свою единственную оставляешь? На что оставляешь... – и не выдержала Святослава, расплакалась. А потом кинулась к себе в горницу по лестнице, оставив за столом отца сидеть с сыном младшим да с дядькой и теткой. Это и была вся семья купца, женка-то еще при родах сыночка померла. Больно поздно они его надумали. Да, видно, судьбе так угодно было.

А Святослава вся в мать пошла. Златовласая, ясноокая, щечки розовые да упругие, носик маленький да аккуратненький, но не вздернутый, а благородного греческого профилю. Святослава в свои пятнадцать лет раскрасавицей стала, стройная, как лань, и пряткая. А когда дочка смеялась, зубки свои белоснежные и ровные раскрывая, все в доме озарялось светом ее внутренним, чистым. Понимал Никита Емельянович, что негоже такую девку одну в доме на полгода оставлять. Был бы рад, если б женой славному да знатному молодцу она стала до его отъезда. Но Святослава всем женихам отказывала, не хотела отца одного бросать. А теперь вот он ее бросает. И не хотел того, но обещание уже дал товарищам купцам своим, что поможет им в Корсуни, ведь он лучше всех договариваться умел на цену низкую. Да и выгодой славной это плавание лично для него обернется. Привезет злата да шелков красных византийских, и выдаст сразу дочь свою за сына боярского. Тем побуждением и решился ехать в земли далекие. Да Святослава разобиделась на отца. Вон, даже попрощаться толком не может, опять в слезы ударилась.

Решил Никита Емельянович к ней сам в комнаты пойти попрощаться. Любил он дочь свою и у самого сердце болело, что оставляет ее одну в Киеве.

Поднялся он по лестнице вслед за ней, подошел к двери, что в покои девичьи вела, да и услышал рыдания дочкины за дверью. Плачет Святослава, аж разрывается от горечи. И не решился Никита Емельянович в комнату войти, лишь рукой по двери погладил. Ничего, успокоится, поймет отца, только жаль, что не попрощаются.

Когда поздно вечером Никита Кузьмин вышел на крыльцо дома своего, чтобы отправиться на корабли торговые, его уже повозка ждала с возницей, нагроможденная сундуками нужной утвари и одежд. Поклонился купец домочадцам всем своим на прощенье, а они ему в ответ. Только Святославы на крыльце не было. Не вышла она отца провожать, лежала на подушках в комнате замерши.

«Ну, ничего, – подумал про себя купец, – как вернусь с подарками знатными, простит меня Святославушка».

Сел купец рядом с возницей и тронулся сразу к гавани. Обернулся лишь на прощанье на дом посмотреть, где сердце свое оставлял, да крикнул сестре и брату:

– Святославу мне берегите, а то шкуры живьем прикажу спустить, коли что не так будет!

– Сбережем, родненький, – крикнули те в ответ, – такая же девка будет, как до твоего отъезда!

И успокоилась душа купеческая. В надежных руках оставлял дочку свою. Дядька да тетка зорко следить будут за дочерью. Да и в Святославе был уверен. Зря он ей суровостей за столом наговорил. Знал, что дочка честь сбережет и не посрамит отца, ведь сам ее воспитывал да маменька ныне покойная скромность девичью ей с детства привила. Да, не стоило Святославе, душе его, такие наказания несправедливые давать, его дочь лучше него знала, что такое честь девичья. И соседи не раз говаривали, что Святослава красотой своей повода никому не дает, очи изумрудные опускает, как молодца повстречает, никому не улыбается попусту и хвостом не виляет.

– Вот и хорошо все будет, – сказал купец сам себе и велел вознице быстрее ехать.

Святослава сидела одна в своей горнице посреди подушек расшитых. Лицо девичье заплакано, глаза изумрудные грустью наполнены. Тут в дверь кто-то постучал. Святослава не ответила. Тогда дверь тихонько приотворилась, и в горницу нянька ее проскользнула, женщина в возрасте, маленькая и пухленькая. Она матушке покойной теткой приходилась и Святославу с детства воспитывала.

– Что ж ты, родненькая, с отцом не вышла на крылечко попрощаться, в пояс ему не поклонилась? – ласково упрекнула хозяйку няня.

– Уехал? – лишь спросила дочь купеческая.

– Уехал уже, Святославушка, уехал. Тебя все надеялся увидеть, да не стал уже ждать, и так припозднился.

– Он простит меня, поймет, почему не вышла. Не хотела снова разрыдаться. Тогда точно славное прощание получилось бы, – горько причитала Святослава.

– А хоть бы и так, девица. Да только что отца не проводила, нехорошо это. Мало ли что может с ним случиться в плаваньи дальнем.

– Уйди! – крикнула няньке девица. – Прочь уйди со словами своими змеиными!

Нянька обомлела и тут же за дверь шмыгнула. Знала, что Святослава на расправу быстрая, а теперь еще и главная в доме осталась, гляди и выкинет на улицу няньку свою приживалку.

Святослава же, как дверь закрылась, на подушки упала, опять рыдать принялась. А ведь нянька-то права. А вдруг с ее батюшкой что приключится, а она даже не благословила его на путь дальний. И еще горше на душе стало у девицы. Любила она отца своего больше всех на всем белом свете! Души в нем не чаяла. Батюшка сколько пытался на замужество ее уговорить, а она все отказывалась, не хотела отца оставлять. Все говорила, что старой девой при нем останется, лишь бы дом родимый не покидать. А отец только и смеялся, что, мол, такую красоту старой девой оставлять негоже. А однажды вовсе пригрозил, что коли до семнадцати годков жениха себе не найдет, сам ее выдаст замуж, пусть и силой.

А теперь Святослава на полгода одна останется, а то и больше. Хоть батюшка и обещался до зимы вернуться, да мало ли... Может, и вправду нянька не зря упрекала?

Святослава всхлипнула. Почувствовала, что неправа была, что как дочь старшая должна была в руки себя взять и отца проводить. Да не вернешь уже того, что не сделано, время ушло. Отплывет батюшка ее на зорьке ранней в земли дальние.

– На зорьке ранней, – промолвила про себя тихо девица. И упала на подушки. Свечу гасить не стала, знала, что не заснет до зори, о батюшке думать будет да богов молить, чтобы ветер попутный в паруса послали и домой быстрее вернули.

На Киев, град первопрестольный, опустилась ночь. Звезды сияли во тьме, освещая улицы пустынные. Спал люд, спали бояре, спал князь и дружина его, кроме одного...

Крался он по улицам темным, да так, чтобы ни собака его не почуяла, ни птица ночная не выдала.

Ярослав уже пробрался в Копченый переулок, теперь осталось терем нужный высмотреть. А темнота – хоть глаз выколи. Но зоркий взгляд приметил с краю переулка, как тусклый огонек горит. Простой бы взор его не заметил, но только не соколика новгородского.

Тихо подобрался он к окошку, в коем тусклый свет еле теплился. Приметил, что окошко приоткрыто. Да и пробрался быстро в комнату через него, благо молодец удалой был да ловкий. Ждала его уже Люба, на кровати сидя. После баньки да с косой расплетенной.

«Все сделала, как велел, вот же баба глупая», – подумал про себя, а сам стал одежды стягивать верхние, молодецкий торс, полный сил и ловкости, оголяя.

Люба, не сдержавшись, ахнула. Такой красавец пред ней предстал! Грудь могучая и широкая, в бедрах узкий, мышцы во всем теле поигрывают от напряжения, и статен, как ясень. Подошел в чем мать родила к ней Ярослав да руки ее в свои взял. Раскраснелась Люба. Опять на нее полюбовник ночной волчьим взглядом хищным посмотрел, как на собственность. Глаза вон как сверкают в ночи, душу девичью тревожа!

Улыбнулся ей широко Ярослав, оголив зубы ровные, белоснежные, только два клыка чуть выделялись среди прочих. «Точно волк!» – испугалась про себя Люба, да бежать уже некуда было. Волк молодой ее на кровать опрокинул да целовать стал. Хоть и молод был, да опытен. Целовал умеючи. Загорелась Люба вся от ласки столь нежной. Хоть и волк к ней пришел, да ласковый. А Ярослав улыбается. Знает, что всем девкам нужно.

– Ну возьми же меня, – взмолилась тихо Люба, невольно ей было более ласки сладкие терпеть.

И Ярослав взял своё. Та аж вскрикнула, но он успел ее рот прикрыть ладонью, чтобы дома никого не разбудить. Знал, что бабы несдержанны, как и знал, что им нравится. Также знал Ярослав, что возьмет он всю ее сегодня, ибо сама отдаст всё, что попросит.

Так и случилось. До зорьки любила Люба с Ярославом. На вопрос, отдаст ли бусы малахитовые свои, согласиен ответила, взяв с него взамен обещание, что еще раз к ней придет. Не хотела отпускать полюбовника своего до последнего, да уж зорька скоро. Выпрыгнул из окна Ярослав да помчал к князьему двору, держа в руках бусы заветные. А Люба осталась на кровати одинокой плакать. Никто ее так не любил. Жила и не знала, что так любить можно. Видимо, боги послали ей молодца ясного, дабы расцвела она в объятьях его крепких да ласках дерзких.

Ярослав, отбежав от терема на приличное расстояние, чтобы быть вне подозрения, припрятал бусы малахитовые в карман на рубахе и спокойным, уверенным шагом пошел далее. Кто бы увидел его в такую раннюю пору, удивился бы. Идет себе молодец да улыбается. А отчего ж не улыбаться? Вон какая у него боярыня пышногрудая была! Ох как любил ее крепко. Вот теперь Радомир ему позавидует, да не посмеет более на спор вызвать, бусики-то при нем.

Завернул Ярослав за угол, да как воскликнет не столько от боли, сколько от неожиданности. Налетел на него незнакомец, да со всей силы налетел – бежал стремглав откуда-то.

– Эй, стой же ты, а извиниться? – успел схватить Ярослав за руку беглеца.

А тот давай из руки его выкручиваться что есть мочи. Разозлился дружинник, что обидчик его как девка себя ведет, верно, тать, вон как боится. Схватил Ярослав обидчика с силою да поставил перед собой.

– А ну стоять! – крикнул. – Дай я на тебя посмотрю.

И тут же диву дался. Рассмотрел в лучах ранней зорьки, что беглец – девка молодая. Как есть девка! Стоит перед ним в платочке голубом шелковом да гневно на него смотрит. Небось, от полюбовничка возвращается? Первый луч, что горизонт пробил, на лицо ее упал да осветил очи светлые редкого чистого цвета зелёного словно изумруды. Ярослав хватку тут и ослабил, залюбовавшись. Девка же, на зарю посмотрев, гневно изумрудами своими сверкнула да дернулась от молодца. Но Ярослав не таков был, чтобы отпускать то, что ему в руки само прибыло. Крепко руку девичью держал. Та же с размаху залепила ему кулаком по носу. От боли неожиданной ослабил руки Ярослав, и девица, вырвавшись, убежала.

Выругался гневно молодец. Не ожидал, что девка его так оприходует. Обидно стало за свою удаль молодецкую, посрамленную бабой слабой. Отер нос рукой.

– До крови разбила, беглянка полуночная!

И тут заметил Ярослав, что на земле платок шелковый голубенький возлежит себе тихонько.

– Обронила, видимо, когда убежала.

Поднял Ярослав его с земли сырой и понюхал. Приятно ударило в нос запахом цветов. Видимо, девица маслами цветочными для полюбовника натиралась.

– Ну, ничего, свидимся еще, чай, в Киеве оба живем. Я свой нос еще тебе припомню. Ох, не расплатишься, – и дружинник припрятал платочек туда же, где бусы малахитовые лежали.

Тем временем Святослава на пристань киевскую мчалась со всех ног. И вовсе внимания не обратила ни на то, что какому-то молодцу по носу заехала, что смел ее удерживать, ни на то, что платок обронила. Только одна мысль у нее была: успеть на пристань до отбытия кораблей торговых.

– погоди, зорюшка, дай с отцом попрощаться, – взмолилась она солнцу. Но светило неумолимо поднималось.

Святослава со всех ног мчалась, не обращая внимания на прохожих ранних. Вот уже из-за стен городских выбежала. Еще немного, и на пристани окажется. Волосы растрепались по ветру, подол грязным стал. Ведь не обращала внимания она ни на лужи, ни на грязь под ногами. Некогда было. Лишь бы с отцом успеть попрощаться.

Добежала до пристани. А кораблей нет. Кинула свои очи светлые на горизонт, увидела паруса.

– Батя, батя! – закричала что есть мочи да по берегу побежала.

– Батя, батя!

Кто-то на корабле заметил девицу странную, бегущую вдоль берега и руками машущую.

– Не твоя ли дочка, Никита Емельянович?

Купец бросился на правый борт, что ближе к берегу был.

– Святослава, доченька! – крикнул ей в ответ.

Прибежала все-таки. Не забыла отца своего. Простила. Заликовало сердце старческое.

– Святослава! – снова крикнул.

Услышала его дочка. Засияла вся, как солнышко, волосами своими золотистыми да улыбкой безудержной, жемчугами ослепительными зубов засияла во все уста. Помахала отцу рукой да поклонилась ему в пояс.

– Попутного ветра, батюшка! – крикнула.

Отец рукой помахал, дал знак, что услышал, и тоже в ответ поклонился. А со старческой щеки слеза скупая упала на корму.

Глава 3

В это же утро вся дружина над Ярославом смеялась при виде носа его разбитого.

– Это тебя так та боярыня отделала? – пуще всех Радомир потешался.

Ярослав то и дело гневные взоры в ответ бросал, как стрелы свои острые. Ведь сказал же друзьям, что споткнулся ночью о булыжник, темно же было. Да и бусики малахитовые предъявил как доказательство ночки. Но друзья не унимались, подшучивали.

– Вон, никто из нас молодца славного одолеть не может, а девка одолела! – всюду смех стоял.

– Да зачем бы она меня сначала била, а потом бусики свои дарила? – оправдывался новгородец.

– А может, ты силой у нее отнять пытался, вот она тебе по носу и съездила, – продолжал покатываться со смеху Радомир.

– А может, и съездила, да только бусики я взял и был у нее до зорьки ранней. А ну спину подставляй, кататься буду! – крикнул другу Ярослав.

Радомир смеяться перестал. Теперь пришла очередь Ярослава над ним потешаться. Но уговор есть уговор. Ночка-то была, и бусики тому доказательство. И неважно, что нос разбит.

И подставил Радомир спину свою богатырскую. А Ярослав тут же запрыгнул на него, как на жеребца. И стал гонять по полю. Дружина опять хохотом улеглась на траву зеленую. Сотник, увидев такие забавы странные, хотел было их остановить, но дружинники отговорили, мол, спор у друзей. Сотник рукой махнул и ушел. Спор среди мужей – дело святое, и неважно, что один на другом как на жеребце скачет.

Наскакался вволю Ярослав на старшем товарище да отпустил.

– Я ж тебя до полудня обещался возить, чего успокоился? – обиделся Радомир. – Али пожалел меня?

– Ничего я тебя не жалел. Спина у тебя крепкая, скакать и скакать на ней. Да в град я собираюсь. Не скакать же на тебе перед девами красными.

– Это верно, – понял намек друг. Им предстояло сегодня вместе с Мстиславом подвиг Ярослава совершить да закадрить кого-нибудь. И ночь провести. Ведь гулять-то пять деньков осталось.

– Пойдем, – важно сказал Ярослав, – буду вас уму-разуму учить.

– Ох ты, ох ты, – подшучивал над ним Радомир. – Такому уму-разуму долго учиться не надо, – и снова показал на нос Ярослава.

– А ну молчи, а то в град на спине твоей поеду!

Радомир тут же умолк, заставив смеяться уже Мстислава.

И вот они опять на ярмарке оказались, что на центральных площадях проводилась. Знали молодцы, куда шли. Все девицы Киева тут околачивались в поисках безделушек цветных да кваса холодного с пряниками. Вот и троица дружная туда же подалась. Пока шли, Ярослав с ученым видом им объяснял, как девиц кадрить.

– Все запомнили? – строго спросил у друзей своих.

– Запомнили, – кивнули оба.

– Ну, тогда вперед.

– Только ты поодаль от нас, Ярослав, держись, чтобы девки на тебя поперву не смотрели, а то шансы наши тогда уменьшатся, – обратились к нему товарищи.

– Хорошо, я тут тогда сам по себе погуляю.

И разошлись они, Радомир с Мстиславом в одну сторону, Ярослав – в другую. Пока друзья неудачно пытались молодич каких-то закадрить, новгородец уже приметил себе хорошенькую купчиху в самом соку, что сеном тут же торговала. Бойкая была, голос журчащий. От силы годков двадцать пять. Ярослав тут же к ней подался. Недолго пришлось купчиху уговаривать, уже через пять минут отдавалась она ему со всей страстью на сене за местечком своим торговым. Да Ярослав ее не сильно-то любить решился. Так только, свою похоть удовлетворить да друзей подразнить. Как он Любу сегодня ласкал, не всякую так ласкать станет. Каждой бабе свое место! Кому любовь, а кому и на сеновале помаленьку хватит.

Святослава сидела подле оконца горницы своей, когда подруги пришли ее кликать на ярмарку пойти. Та упиралась, не хотела. Грустно ей было из-за отъезда батюшки.

– Ты пойди, с подружками-то развейся, краса-девица. С отцом попрощалась, теперь пойди и себе честь отдай. Чего киснешь тут? – возмущалась нянька.

Святослава только отмахивалась. А тут и дядька с теткой надоедать стали, мол, иди с подружками на ярмарку, а то и подруг не останется, коли выходить никуда не станешь.

Решила Святослава, что лучше на ярмарку пойти, чем назойливые пререкания домочадцев слушать. Взяла с собой крестьянина Степана, мужика грозного, которого к ней батюшка приставил для охраны, из долговой ямы ранее вытащив. И теперь Степан век обязан был купцу, вот и обещался дочку стеречь и днем и ночью.

– Только смотри, не мешайся у меня под ногами, – пригрозила ему Святослава, когда из терема вышли. – Я за себя сама постоять могу. Вон сегодня уже какому-то наглецу нос разбить успела, когда тот на моем пути встать решил. Чтоб как тень был и без надобности не вмешивался!

Степан выслушал указ да поклонился хозяйке. Знал, что та девка разумная, в глупости не ввяжется. А вот подруги ее... И он грозно глянул на трех девиц юных. Ох и вертихвостками те были! Даже Степану глазками сверкали. Степан хоть мужик и молодой был да видный, всего тридцать семь годков, но все же им не ровня. А они все равно ему улыбались. Как говорилось, что крестьянину, что боярину! От таких девок только беды и жди. Как бы из-за них его хозяйка в какую нелепость не попала.

Девицы же схватили Святославу за руки и потащили быстрее на ярмарку.

– Там народу-то как много!

– И медведей танцующих привели!

– А танцы-то, танцы обещали! – молвили все сразу втроем.

Святослава только и улыбалась, так как ей самой до всего этого дела не было. Неинтересны были ей все забавы молодецкие. Девки постоянно про парней судачат, а ей все равно. Никто ей не люб. Никто не запал в сердечко юное, пламенное. Знала, что не каждому улыбнется, что особенным ее избранник быть должен.

Так и пришли на ярмарку вчетвером.

Тут Святослава заприметила бусики красивые из камня необычного, явно заморского. Они были цвета воды, переливались все и искрились под стать ее глазам.

– Вы идите, девоньки, я вас догоню, только бусики присмотрю.

– Мы пойдем медовуху пробовать, там нас найдешь, около бочки, что напротив, – и убежали подружки к медовухе, да с таким смехом, что всю ярмарку оголосили.

Степан лишь недовольно фыркнул. Вот же вертихвостки! Внимание всех молодцев к себе привлекли, вон как те зыркают, словно хищники.

И вправду, веселый смех трех подруг сразу обратил на себя внимание молодцев на ярмарке. И Ярослав среди первых их приметил.

– А ну-ка, братцы, вон к тем идите. Они к медовухе направляются, значит, веселыми быстро станут, – указал друзьям своим новгородец на девиц, продолжая небрежно очищать свою рубаху от сена. Славно повалялся с купчихой!

А друзья на него зло глядят, завидуют. Вишь, какой довольный, уже на двух молодлиц за два дня влез. А они еще ни одной даже не закадрили, что уж о ночках-то поговаривать.

– Идите, идите, чего стоите, али ждете, пока другие на них налетят, яко коршуны?!

И двое друзей направились к девицам, снова попросив Ярослава с ними не ходить. Пусть подойдет, когда они уже зазнакомятся да выберут себе парочку.

Ярослав охотно согласился. Ему не хотелось после стараний на сеновале тратить силы на новые приключения. До вечера ему уже хватило, а к вечеру видно будет. В Киеве много девок славных да на все согласных!

Святослава же в это время прикладывала бусы к груди. Те сверкали на ней, оттеняя кожу нежную персиковую да глаза изумрудные. А золотистые волосы словно огнем зажглись от перелива камней.

– Беру! – решительно сказала она купцу.

– Славный выбор, как будто только тебя камень ждали, красавица, – польстил ей купец.

– Ты поменьше тут лисой ходи перед хозяйкой моей, – грозно гаркнул на него Степан. –

Ишь ты, красавицей назвал.

Купец сразу язык прикусил, понял, что девка под защитой. И негоже к ней даже в мыслях приближаться, да еще когда такой внушительный мужик рядом. Тот был выше хозяйки своей в

полтора раза и во столько же шире, да и мускулы железные под рубахой простой угадывались, страх нагоняя. Никита Кузьмин знал, кого выкупает для присмотра за дочерью.

Святослава, отойдя от прилавка с покупкой новой на груди, грозно на Степана посмотрела.

– Я же тебе говорила, чтоб не вмешивался!

– Так он на тебя глаза свои пялить стал, хозяйка!

– Ну и что? Что уж, на девицу прекрасную и глаз поднять нельзя?! – гневно топнула ножкой Святослава. – Здесь теперь стой, я сама к подругам пойду, а ослушаешься, прогоню со двора!

Степан остался стоять как вкопанный. Не стоило гневить хозяйку. И вправду со двора прогонит. А ему ох как у Никиты Емельяновича понравилось. Тот не просто холопа в нем видел, а домочадца своего, и обращался соответственно. И чего это он так за дочку купеческую распереживался? Не маленькая уже да не вертихвостка, чтоб кого попало улыбками одаривать. Будет со сторонки приглядывать. В случае чего сразу подмогнет.

Святослава тем временем к подругам своим сквозь многолюдье пробиралась. Не видела их, но слышала. Те с кем-то весело смеялись, явно с молодцами.

– А вот и наша Святославушка! – вскрикнула одна из подруг, Мила по имени. – А мы тут с дружинниками шутим славно.

– Да слышала я вас, чай, на всю ярмарку гогочете.

Радомир с Мстиславом быстро новую девицу оценили. Ух и красавица была, аж дух захватывало! Точеная вся, как из мрамора, с кожей персиковой, волосы, как золото, переливаются. А глаза-то, глаза! Большие изумруды. Да только девица на них холодно посмотрела и не улыбнулась вовсе. Друзья сразу поняли, что не про них горлица ясная, и взор свой на прежних девиц обратили, хоть и тяжело было оторваться от созерцания красоты такой неписаной. Да только присутствие новой красной девицы подстегнуло их грудь выпятить да бравость свою начать показывать, а вдруг заглядится на одного из них все-таки.

Тем временем Ярослав, стоявший чуть поодаль и не обращавший ранее никакого внимания на их смех, вдруг заметил, что друзья-то его разгорячились, стали петухами ходить. А девки к ним все сильнее прижиматься начали. Вон уже не три их, а четыре. Вишь, набежали! Ну раз девицы оценили друзей, то можно и самому к компании присоединиться, а то скучно ему одному тут стоять. Тоже посмеяться хотелось.

– А вот и друг наш идет, мы вам про него сказывали, – громко произнес Мстислав, махнув Ярославу рукой, чтобы поторопился.

– А что ж сказывали-то? – с ходу спросил Ярослав. Заметил, как у девок всех глаза при виде его засверкали. Да только одна спиной стояла, как будто ей безразличен был вновь подошедший.

– А сказывали, что ты ночь провел у боярыни, да нос она тебе за то повредила! – рассмеялась Мила, стоявшая подле Радомира.

Ярослав бросил гневный взгляд на друга. Не думал, что тот, чтобы себя перед новоиспечёнными знакомицами показать, будет друга высмеивать. Радомир тут же понял свою оплошность и поспешил исправиться.

– Да это я пошутил, девоньки. Ярослав об камень по ночи стукнулся. Я сам сегодня эту боярыню видел. Не было того, сама подтвердила, не бивала она друга моего, а ласкала нежно до зорьки утренней.

Ярослав добро посмотрел на Радомира. Что ж, сам друг запутался, сам и выпутался. Вот и славно. Не станет он на него гневаться.

Ярослав тоже взял себе хмельное, чарку попросив.

– А ты что не пьешь, девица красная? – обратился он к одной из подруг с золотистыми волосами, стоявшей к нему вполборота с явно скучающим видом.

Святослава неохотно обернулась на молодецкий голос. Уже съязвить что-то хотела, да осеклась.

Узнала взгляд серых глаз да кудри белокурые, хоть и не сильно успела по раннему утру рассмотреть. Но такой взгляд ни с одним не спутаешь. Вот он сощурился, будто хищный зверь, на нее глядя. Тоже узнал. Святослава же под взглядом тяжелым вся съежилась. И что же в нем было такого, что заставляло трепетать от страха? Но девица быстро себя в руки взяла, вскинула головку гордо да посмотрела ему прямо на нос, который сама и разбила на зорьке ранней.

Ярославу ох как такой дерзкий взгляд не понравился! Не привык, чтобы девки ему вызов бросали. А девица еще на его немного распухший нос уставилась и улыбнулась слащаво. Ох мерзко-то как улыбнулась!

Ярослава аж перекосило от злобы. Медовуху он свою на столешницу поставил.

– Да что с тобой, Ярослав? Ты весь в лице переменялся, – удивленно спросил Мстислав.

– Али знакомы вы уже? – уточнила Ростилава, подруга вторая. – Вон как друг на друга посматриваете.

– Не знакомы мы с ясным молодцем, – спокойно ответила Святослава, переведя взгляд с носа дружинника на подругу, – просто нос мне его немного смешным показался.

– Да об камень ударился, когда ночью от любовницы шел.

– Ах вот как! – съехидничала Святослава. Видать, дружок их правду не рассказал. Оно и верно, кому ведь расскажешь, что девка незнакомая кулаком залепила. Значит, в руках он у нее, соколик.

– Это ж как надо было на земле распластаться, чтоб о камень удариться? – решила дальше подшутить над ним девица.

Да только пожалела об этом. Ярослав так гневно на нее взгляд метнул, будто стрелы пустил острые. Глаза суровые стали, лицо волчьим оскалом взялось. Ох, пожалела сейчас Святослава, что Степана оставила вдальке. Казалось, молодец набросится на нее и растерзает.

– Я пойду, подруги мои, мне домой пора возвращаться, – Святослава решила уйти, это сейчас было самое верное решение.

– Не спеши, красна девица, – тихо, но сурово сказал ей Ярослав. – У меня кое-что твое есть.

И он медленно запустил руку в карман рубахи. Святослава тут же поняла, о чем речь. На улицах платочек свой обыскала утром, да не нашла. А вещица-то шелковая у него осталась. Видать, подобрал, когда она к пристани бежала и не заметила, что платок с головы спал. Плохо это было, ой как плохо. Для девки незамужней скандалом могло обернуться. Станут все спрашивать, откуда платок у молодца взялся. Сейчас она была в его власти.

А Ярослав сразу это учуял, недаром же славным охотником был, чувствовал мысли жертв своих. И улыбнулся он девице так же слащаво, как она ему ранее, да платочек стал доставать.

Рванулась к нему Святослава, да руку свою на его наложила так, что был виден только голубой уголок шелковой ткани.

– Отдай его мне, – тихо попросила девица.

Стояла прямо перед ним вся такая красивая, златовласая, с глазами изумрудными да губами алыми. Близко, близко стояла. Но Ярослав хватку не ослабил. Хоть впервой ему красоту девичью такую сладкую и манящую созерцать, но девка никогда над ним не станет власть иметь, какой бы раскрасавицей ни была.

– Отдай, – еще раз попросила Святослава.

Да только и видела в ответ взгляд холодных серых глаз.

Друзья, что подле стояли, диву давались. Сразу поняли, что девица с Ярославом знакома. Мстислав про себя злился, неужто друг его младший и эту красную девицу успел соблазнить?

– Поцелуй меня в губы, тогда отдам, – спокойно сказал Ярослав, предвкушая победу.

Но Святослава не сдавалась.

– Я о тебе кое-какую тайну знаю, – так же тихо промолвила она, снова красноречиво посмотрев на пухлый нос витязя.

Ярослав насторожился. Не хотел, чтобы она тайну раскрыла да о встрече утренней рассказала. Но решил не сдаваться. Все равно получит свое, тут охотник он, а не она.

– Я сказал – поцелуй, тогда и отдам, – снова лицо его хищным стало. – А коль по-моему не сделаешь, не получишь ничего. А тайну мою рассказывай, мне от этого позорно не будет, а вот тебе... – многочисленно повёл бровью молодец.

Святослава слегка отшатнулась от дерзости такой.

«Точно от любовничка шла, девица. Вот и поймал я тебя, распрекрасная!» – улыбнулся про себя Ярослав.

Да Святослава о другом думала. Не хотела она здесь, на ярмарке, с дружинником князя ссориться. Он платок не достал еще, вот и не будет она его провоцировать. В другой раз попытается, когда людей поменьше рядом станет.

– Как скажешь, воин, – смиренно ответила она, – но волю твою не выполню. А коли тайну нашу откроешь, – и Святослава снова на карман взгляд бросила, в котором платочек заветный лежал, – тебе в том тоже чести не будет.

Она резко обернулась и, ни с кем не попрощавшись, ушла.

«Фух», – выдохнул в сердцах Ярослав. Ну и девка! С характером, да и кулак тяжелый.

– Вы с ней знакомы? – с завистью спросил Мстислав.

– Не более, чем ты с ней, – отмахнулся Ярослав да тоже прочь пошел, оставив друзей с девицами в удивлении.

На княжьем дворе уже будучи, друзья все-таки допытывали дружинника, откуда он красную девицу знает. И решил Ярослав все рассказать: и как он ее от любовничка на зорьке ранней повстречал, и как она ему нос разбила, и как платок потеряла, убегая.

– Да не похожа она на такую, чтобы по любовникам бегать! – возмутился Мстислав.

– А что ей еще на улице было делать в такую рань? Да еще так спешила. Явно в дом, в горницу свою, чтобы никто не заметил отсутствия. Ты девок когда познаешь, как я, ничему удивляться не станешь. Сучья порода они все.

– И все равно я не верю. Не из таких она. Гордая. То сразу в глаза-то бросается.

Ярослав только ухмыльнулся в ответ наивному другу. Он-то много таких повидал. Днем они сама скромность и неприступность, а ночью темною не отлепят.

– Да о платке, думаю, стоит помалкивать, чтобы девицу не позорить, слышишь, Ярослав? – не унимался Мстислав.

– Слышу, слышу, только вам о том и сказывал. Ты лучше скажи, как ваши подружки-то, получилось чего?

– Смешливые они да стесняются, – ответил Радомир.

– Так надо их напором брать, – посоветовал молодой новгородец.

– Да не умеем мы так. Это у вас в Новгороде напору учат. А в Киеве все иначе. Мы только договорились, что завтра на вечерке встретимся. Да они просили тебя взять. Опять ты, Ярослав, нам дорогу перебежал.

– Да не буду я на ваших девок даже смотреть, коль вы глаз на них положили! Могу и не пойти вовсе.

– Нет, иди. Ты нам друг. А это важнее, чем бабы. Да ну их, давайте спать! – обрадованно крикнул Радомир.

Погасили они свечку и улеглись на соломенные тюфяки почивать. А Ярослав улыбнулся в темноте. Не предали други его из-за девиц. Вон, на вечерку зовут вместе с ними.

На следующей день подружки снова прибежали к терему Святославы.

– Пойдем с нами на зорьку вечернюю смотреть, там и Ярослав будет, знакомец твой, – упрашивали они дочь купеческую.

– Да не пойду я! И не нужен мне ваш Ярослав. Знать его не знала и не хочу, – решительно отказалась Святослава.

– Ой ли? Пряма-таки не знаешь? А вчера непохоже было! – рассмеялись подруги.

Святослава лишь промолчала. А что тут скажешь? Сама себя выдала, не стоило над воинном подшучивать.

– Ладно, коли передумаешь, приходи вечером на Якулову поляну. Мы там сживать будем.

И подруги убежали готовиться к предстоящим посиделкам с молодцами, ведь им так хотелось понравиться славным дружинникам, стоило наряды покраше достать да надушиться.

На Киев опустился вечер. Солнце потихоньку меняло свой цвет на темно-оранжевый и обогревало землю последними лучами.

Святослава не могла сидеть спокойно. Подружки сказали, где Ярослав будет с платочком ее. А платок ох как вернуть хотелось! Негоже ее личной вещи у молодца оставаться, нехорошо это было. Решилась: пойдет! Тем более на Якуловой полянке никого и не будет, кроме подруг ее и тех молодцев. А в безлюдном месте она с наглым дружинником иначе говорить станет. Всю правду скажет, что о нем думает и о его выходке.

Опять взяла с собой Степана и пошла на вечерку. Сильно не принарядилась, не затем шла. Степана оставила за лесом, приказав стоять и не следить за ней, мол, к друзьям идет и ничего ей там не угрожает. Да и вернется она до вечерних петухов.

Степан хоть и нехотя, но отпустил, став перед лесом. А сам решил, коли красна девица через час не вернется, весь лес перевернет, а найдет ее и полюбовничка возможного. Хотя знал, что Святослава девка чистая и ни о чем таком и не подумывает.

Тем временем на Якуловой поляне все уже сидели парочками да обнимались. Радомир с Милой, Мстислав с Ростиславой, а Ярослав с подругой третьей – Аленушкой. Хоть последняя и не была красавицей, но Ярослав не противился, решив не перебежать другам своим дорогу. Пусть на этот раз у них с девками все получится. Вот и стал он с Аленушкой целоваться, да подумывал уже в лес ее затащить подальше и к любви принудить, как из леса на поляну вышла еще одна девица – настолько хороша, что Мила даже ахнула. Пред ними сама Святослава стояла во всей красе: коса ярким золотом горит, глаза изумрудные полноводные сверкают словно гладь речная под солнцем. Хоть и скромно одета была, да все равно красоту девичью ни за какими тряпками не спрячешь.

– Пришла, а мы-то уже не надеялись, – хихикнула Ростислава. – Да только друг твой уже с Аленушкой. В следующий раз не опаздывай!

И подруги рассмеялись.

Святослава, не обращая на их намеки никакого внимания, подошла прямо к Ярославу.

Тот приотпустил немного Аленушку и посмотрел прямо в глаза девице. Но не встал с бревна. Еще чего, будет он из-за бабы подыматься.

– Отдай, – твердо сказала Святослава и руку протянула.

«Вот оно что, – подумал Ярослав про себя, – не за мной пришла, а за платком».

– Поцелуй меня, и отдам, – так же решительно ответил он ей. – Я не переменял свое решение. Коли не готова, уходи, зря пришла.

– Как это поцелуй? – возмутилась Аленушка. – Ты со мной миловался, в лес звал, а теперь просишь ее поцеловать?!

Но на причитания Аленки ни Святослава, ни Ярослав внимания не обратили, будто ее здесь и не было. Смотрели только друг другу прямо в глаза.

«Вот упрямица. Как полюбовника своего ласкать, так пожалуйста. А как меня целовать, так невинная. Чем я-то хуже?» – размышлял про себя Ярослав и взгляда горящего с златовластой девицы не сводил.

Святослава о чем-то быстро подумала и решилась, выбрав самый безобидный вариант, тем более получить платок другим способом она уже разуверилась. Не Степана же на дружинника насылать. Молодец слугу ее быстро на место поставит, чай, слава уже по всему Киеву об этом новгородце с белокурыми волосами да серыми глазами ходила, что воин он лучший среди новеньких.

– Пойдем, – только и сказала она ему, повернувшись к лесу.

Ярослав поднялся и пошел за девицей в чащу, тут же об Аленке позабыв. Святослава шла, пока не убедилась, что их не увидят любопытные глаза. Когда же она наконец остановилась и к нему вплотную подошла, Ярослав насторожился. Даже думал к кинжалу на штанах потянуться, да обомлел весь, когда она его в губы с лету поцеловала.

– Теперь отдай платок, я поцеловала тебя.

Но Ярослава такой расклад не устраивал, он и не понял, что произошло. Да разве назовешь это поцелуем? Скорее ударила, чем поцеловала. Ишь чего надумала, хитрая лиса.

– Теперь я тебя поцелую, – сказал он ей властно и уже руку протянул, чтобы прижать к себе девицу.

– О том уговора не было! – вскрикнула Святослава.

– То, что ты мне показала, это не поцелуй, больше на удар похоже было.

Святослава стояла в замешательстве.

– Вот поцелую тебя, как умею, и платок твой отдам, красавица. Да не бойся ты, не укушу и не обижу, вон как трясешься.

«Все невинной прикидывается. Но меня не обманешь!» – подумал Ярослав.

– Точно платок отдашь? – переспросила Святослава, прежде чем к нему навстречу двинуться.

– Отдам. Но только одно условие есть: ты не будешь вырываться. Когда сам отпущу, тогда и уйдешь.

– Ты просишь меня тебе довериться, а коли обманешь да лапы начнешь распускать? – не унималась девица, ведь впервой она с молодцем целоваться собиралась.

– Слово дружинника даю. Только поцелуй, ничего больше.

– Тогда давай, – смело сказал девица и вскинула свою прекрасную головку да глаза зажмурила сильно.

Усмехнулся Ярослав такой выходке. Да решил не спорить, все равно своего добьется.

Подошел он к ней, обхватил нежно за талию, да привлек мягко к груди горячей молодецкой.

Святослава глаз не открывала и стояла вся в напряжении. Ярослав немного полюбовался красотой ее девичьей да диву дался, что в его объятиях она сейчас.

«Вишь, как я ей противен. Небось, о полюбовничке своем думает. Ну ничего, я заставлю ее мне открыться да очи ясные поднять. Уж я-то точно знаю, что лучше любого другого».

И поцеловал он уста ее девичьи. Да так нежно поцеловал, что Святослава ахнула, другого ожидая. Да не тут-то было. Ярослав того и ждал. И как только губы ее приоткрылись, сразу поцелуем полным страсти на нее ринулся. Но, тут же почувствовав, как она от страха затряслась вся словно тростинка на ветру, сбавил натиск, снова нежным став. Нельзя спешить, Ярослав это знал. А губы-то у девицы сладкие, словно ягоды. Упиваться и упиваться бы ими!

Святослава же пока не отвечала на поцелуй, вся стоя в напряжении. Тогда Ярослав начал спину хрупкую девичью горячими могучими руками гладить, да так нежно, что по телу девичьему дрожь пробежала. В этот момент и схватил Ярослав ее крепко да прижал что есть мочи к себе, чтобы девица мужскую силу почувствовала.

Ахнула от такого напора Святослава да глаза от возмущения открыла. А напротив глаза серые, и луна в них отражается. Но глаза те не волка были, а нежные и ласковые, как сама ночь. Святослава почувствовала, что беда с ней может случиться непоправимая, утопает она в глазах этих, таких теплых и призывающих. Не было более того сурового молодца, а стоял он рядом с ней нежный и одновременно пламенный. Попыталась было Святослава оказать последнее сопротивление. Да Ярослав не дал, чувствуя, что победил уже эту девицу гордую. Закинул он ей голову, да поцеловал снова, но уже поцелуем страстным, обжигающим. От первых нежностей ничего не осталось. Поняла Святослава, почувствовала всем телом, что перед ней взрослый муж стоит, воин, а не мальчик, коего она обкрутить хотела. Вот и попалась в свою же ловушку. Взмолилась она мысленно, чтобы отпустил ее дружинник славный.

А Ярослав и не думал отпускать красную девицу. Он, конечно, помнил о своем обещании, что целовать только станет. Но какой сладкой эта девица была! Никогда, никогда он таких сладких не встречал прежде. Но раз обещался только целовать, то тогда так целовать будет, что на всю жизнь запомнит этот момент девка горделивая! Он снова страстным напором овладел ее губами, прижав рукой к себе голову златокудрую. Святослава не могла более сопротивляться. Затряслась, чуть было в обморок не упала, да поддержал ее другой рукой Ярослав. И не выдержала девица, ответила ему на призыв страстный своими поцелуями. Ярослав восторжествовал. Покорилась ему, всё-таки покорилась.

И не заметили эти двое, как уж и звёзды первые засеяли. Отпустил Ярослав свою девицу лишь тогда, когда сам утомился миловаться. Чуть было не упала на землю Святослава от слабости в ногах, но он поддержал ее вовремя сильной рукой за талию. Посмотрел в ее очи изумрудные своими серыми глазами да улыбнулся ласково.

Святослава ничего не могла ни сказать, ни сделать. Она словно была в другом мире, наполненном одновременно и негой, и огнём обжигающим. Едва смогла услышать имя свое, кое Степан выкрикивал, ища по лесу хозяйку. Очнулась она от сладких грез. Резко из объятий дружинника высвободилась да успела выхватить из его рубахи платочек шелковый.

– Ишь чего надумал, – прошипела ему. – Не буду я с тобой более целоваться, и не смотри на меня так ласково. Мы не знали и не будем знать друг друга. Если в Киеве повстречаю, то мимо пройду!

И умчалась она обратно к поляне, оставив дружинника одного в лесу. А тот стоял да ей вслед улыбался зло. «Ничего, Святославушка, мы с тобой еще за эти слова поквитаемся. Меня девки не бросают вот так на полпути. Это только я могу делать!»

Святослава тем временем разыскала Степана.

– Все ли нормально? – тревожно спросил он ее. Не понравился ему вид хозяйки, потрепанный да растерянный.

– Все хорошо, Степан, как девкой пришла сюда, так девкой и ушла, – спокойно ответила она заботливому слуге. Если бы он ее не окликнул, неизвестно еще, чем встреча с дружинником бы закончилась.

Степан от слов ее успокоился. Да только у Святославы беспокойно на душе стало. Вроде бы она победила и сделала все как хотела, и целовались они не у всех на виду. Да почему-то ей обратное казалось, чувствовала, что он за собой последнее слово оставил. А как он целовал! Святослава и не думала, что это так... так волнующе. До сих пор губы жгли его поцелуи. Каждую секунду она об этом помнила. И как сопротивлялась ему, и как прильнула к торсу мощному, и как он жаром ее таким пламенным обдал, что позабыла она обо всем на свете. Но ничего, впереди вся ночь еще. Успеет она поразмыслить да разложить все по полочкам. Но уже точно решила, что не владеть новгородцу мыслишками ее, не смутить сердце рассудительное.

И решила Святослава всю неделю дома просидеть, носа на улицу не показывать. Как домочадцы ни пытались ее с подругами выпроводить на зорьке вечерней погулять, та упира-

лась да рукой отмахивалась, мол, плохая погода на дворе, хотя лишь мелкий дождик по утрам покрапывал, а весь день солнце землю грело. Один лишь Степан ведал, почему она дома отсиживается. Все разузнал про дружинника молодого княжеского. И про то, как по девкам хаживает, и про удаль его молодецкую да силушку богатырскую. Знал Степан, что девок от таких прятать под замок надобно, сам когда-то таким был по молодости, пока с недобрым людом не смешался. Вот и радовался, что хозяйка его молодая дома решила отсидеться. Так оно только лучше всем будет.

А Святослава на Степановы одобрительные взгляды лишь отмалчивалась да румянцем бралась. Стыдно ей было вспоминать ту вечерю. Ох как стыдно. Давать молодцу целовать себя посреди леса аж до первых звёзд! И о чем она только думала? А думала, что обведет вокруг пальца новгородца. Красивыми глазками прихлопнет да губки надует, вот и отдаст он сам платочек заветный. Да только не на того напала. Ярослав был не робкого десятка, знал, что от девицы взять ему надобно. Вот Святослава в свои же сети и попалась. Все от нее получил. Долго миловался с ней, смущая сердце девиचे.

Святославе только и оставалось сейчас то на него сердиться, то на себя. Но себя она больше корила, за то, что ответила на ласки дружинника, на призыв его пламенный. Оттого еще стыднее стало. Вот и решила дома отсидеться, чтоб не видеть очи его дерзкие да призывные. Подруги ведь сказывали, что через четыре дня дружинники молодые опять в княжий двор на постой вернутся. Вот тогда и выйдет она в Киев, снова по ярмаркам гулять станет.

Глава 4

Так прошли все четыре дня. Ярослав Святославу первые пару дней на ярмарке поджидал, да подружки без нее приходили. Понял сразу молодец, что прячется от него девица. А ему так хотелось вновь в очи её ясные заглянуть. Поцелуй тот в лесу воспламенил дружинника, еще большего от девки взять захотелось. Тогда было вздумал понасильничать ее прямо на травке среди зарослей лесных, да обещание воинское девице дал, что не обидит, вот и пришлось сдерживаться.

Но не приходила Святослава ни в первый, ни во второй день. Пряталась от зорких очей новгородца. Тот уже подумывал в дом к ней наведаться да в дверь постучаться, ведь узнал уже у подруг, где купеческая дочь живет, да боялся, что от ворот поворот она ему даст. А позориться перед соседями ее не хотел. Не было еще такого на его веку, чтобы девка Ярослава отказом спраживала. Да, чай, Киев город хоть и большой, да маленький, успеют еще свидеться. Вот тогда и не упустит он красную девицу, зацелует до зорьки утренней. А пока Ярослав решил время попусту не тратить и к другим киевлянкам хаживать начал. А те только и рады были, что дерзкий новгородец на них свой взор вновь обратил. Наконец Ярослав в княжий двор вернулся с друзьями. Пришло время ему десятником стать. На первый же день службы князь Киевский сам заявился. Помнил про слово свое вою молодому. Да вызвал его на разговор откровенный.

– Ходил по девкам? – в лоб спросил Святослав.

– Ходил, князь, – честно ответил Ярослав, – да с умом ходил.

– Сколько девок знатных попортил?

– Знатные-то были, да не портил я их, все замужние.

Рассмеялся князь ответу честному.

– Ох и достанется тебе когда-нибудь! В случае чего прикрывать тебя не стану, на суд людской сам отдам.

– Отдавай, князь, коли спросят меня! По справедливости то, – твердо ответил Ярослав, и князю ответ по сердцу пришелся.

– Ну что ж, разумен ты и бесстрашен. Вот и становись десятником в свои семнадцать годков, да служи мне верно, – встал князь и хлопнул своего нового десятника дружески по плечу.

Ярослав улыбнулся в ответ. Все сбылось, что он хотел. Все по его вышло!

Как неделька прошла, Святослава решила нос на улицу показать да прогуляться по граду Киеву. Подружки ее заверили, что сидит Ярослав за забором высоким на княжьем дворе да тренируется со своими людьми безвылазно, потому как десятником стал. Да и князь к ним постоянно заглядывает, на тренировки смотрит. Все оценивает, победят ли хазар столь славные молодцы? Хазар много, очень много. Да и у него дружина немалая. Теперь все от умений да смелости его воев зависело.

После очередной тренировки со своими бойцами Ярослав довольно хмыкнул. Натренировал все-таки! И стрелы метают зорко, и мечом рубят ловко, и в строю быстро с командами управляют. Князь Киевский тоже оценил, как скоро его молодой десятник людей подготовил да команды выполнять четко приучил. Славный из него сотник в будущем выйдет! Похвалил молодца своего за столь хорошее учение, однако о видах на будущее ему ничего не сказал, незачем новгородцу в столь юном возрасте зазнаваться. На ратном поле пусть еще послужит да себя в деле покажет. Но вольную дал на два дня ему и воям его за старания прилежные в обучении.

– Пошли в лесок сегодня, Ярослав, – подначивал его Радомир. – Там наши девоньки грибы на полянах собирают да песни поют. О том, что мы придем, не ведают. Вот и нагрнем мы, да не упустим уже своего.

Ярослав в ответ лишь отмахнулся. Не хотелось ему в лес идти на гулянки. Он с Аленушкой и так уж вдоволь намиловался. Да не легла она ему на душу. Слишком покорная была. Он к таким лишь на день-два хаживал, а потом забывал о них, как и не было.

– Что, к Любе пойдешь своей пышногрудой? – не сдавался Радомир. – А девоньки мне сказывали, что и Святослава в лесу будет, чай, не ждет твоего появления.

Друг в точку попал. Взгляд Ярослава оживился. Сощурил он очи свои светло-серые, словно что-то обдумывая. Вот и попалась девонька, сама в лес пошла! Не мог он упустить такого шанса славного наедине с ней остаться да к любви принудить. Хоть и думать перестал о ней сразу же, как на княжий двор возвернулся, да только жажда его не оставила. Коли один раз такие уста девичьи попробовал, вовек не забудет, пока всю ее не распробует.

– Решено, – сказал Ярослав другу своему. – Пошли в лес.

Радомир только тихо посмеялся. Знал, как друга уговорить, стоило только имя раскрасавицы назвать.

Тем временем Святослава с тремя подругами своими по лесу ходила, грибы собирала да песни девичьи распевала. После дождей грибов много уродилось. Вон и корзинка уже полная. Степан же за ней по пятам шел.

– Ты, Степан, возьми корзину у меня да отнеси в дом. А я пока еще одну насобираю, – повелительно сказала ему хозяйка.

Но Степан уперся, не хотел ее с девками ненадежными одну оставлять.

– Да иди ты уже, – разозлилась красавица. – Ничего со мной не станется! Никого здесь нет и вряд ли появится. На княжьем дворе все дружинники сейчас сидят. Да и лес этот я как себя знаю, чай, с детства грибы хаживаю собирать. Коли кого увижу, сразу убегу.

Не хотел Степан уходить, да настояла девица на своем, домой с двумя корзинами грибов отправила. А сама с третьей в лес дальше двинулась. Подруги за ней следом шли, о чем-то своем хихикали да молодцев своих обсуждали, мол, кто из них краше да сильнее.

Святослава не любила разговоров девичьих и смысла в них не понимала, вот и запела песню свою мелодичную. Да так запела, что птицы умолкли, заслушавшись. Голосок-то у нее словно родниковая вода, журчащий да мягкий, сердце всем завораживал, кому посчастливилось хоть раз услышать.

Вот и Ярослав, услышав пение столь чудесное, поспешил на него с друзьями. Всем было интересно, кто же так славно поет, аж душа навстречу вырывается. Вышли на поляну лесную, где девицы грибы искали.

– Ой, это же наши молодцы! А какими судьбами вы тут? – воскликнула Мила, подмигнув дружинникам.

Святослава, поняв, что кроме них еще кто-то на полянке, тут же умолкла и обернулась. Сразу глаза серые да холодные увидела. Обомлела от неожиданности. Уж кого-кого, а его здесь не чаяла встретить.

Ярослав же быстро знак друзьям подал, и те сразу бросились к девкам своим да на руки похватили. Те отбрыкивались, верезжали, да молодцы своего не упустят. Крепко держали девок да в лес кто куда побежали в стороны разные. Лишь Аленка да Святослава вдвоем из девиц остались посреди поляны. Аленка раскраснелась, новгородцу улыбаясь, кой тоже остался. Вот сейчас схватит ее да в лес уволочет и будет любить до самой зорьки. Да Ярослав на Аленку и не глядел, в сторону Святославы повернулся.

Святослава на месте застыла. Думала, что по Аленкину душу пришел. Ан нет. Затрепетало сердце девичье от страха. Посмотрела она в очи молодцу да приговор там свой прочитала. Вон как на нее глядит, словно хищный зверь, прищурился, мышцы все напряжены, будто застыл перед прыжком. И как только дружинник шаг в ее направлении сделал, Святослава вскрикнула, корзину с грибами бросила да побежала что есть мочи в лес. А Ярослав мигом за ней кинулся. Не упустит своего, не в этот раз.

Аленка так и осталась одиноко стоять посреди поляны. Расплакалась. Поняла, что новгородец лишь нужду молодецкую с ней справлял и не любя она ему более.

Святослава же что есть мочи бежала по лесу, не оглядываясь. Ноги быстрые да стройные не подводили. Она ловко перепрыгивала канавки да деревья поваленные. Но сердце чуяло беду. Не убежать ей далеко от молодца сильного. Быстрее он ее. Затылком дыхание его чувствовала. Не спастись от зверя этого. Будто волк, гнал он ее в чащу темную, лесную. И догнал Ярослав девицу посреди темного леса, схватил рукой своею сильною, да так, чтобы не упала и не ударилась, тут же ловко, как охотник, на землю повалил да сверху на нее влез стремительно.

Закричала Святослава что есть мочи. Да никто не услышит крика девичьего в такой-то чаще, где кроме них двоих никого и не было. А Ярослав ее еще сильнее к земле прижал да целовать начал, то в губы красные, то в шею лебединую с кожей персиковой.

Святослава стала, словно зверек дикий, отбрыкиваться, но силушка ее подводила. Насильник-то раза в три сильнее был девки слабой. И зачем она Степана из лесу отослала? Защитил бы ее сейчас от поругательства бесчестного. Не по своей воле батюшку посрамит и весь род свой. А насильник все кожей ее упивается, целует, то аромат вдыхает, вовсе не замечая, как девка под ним вырывается. Сдалась Святослава, поняв, что беды не миновать, и сердце девичье не выдержало, расплакалась.

Ярослав сразу понял, что случилось неладное. Девица под ним обмякла да замерла, и тихий плач раздался. Поднял он свои очи хищные на нее и увидел, что лежит она бледная как полотно да плачет тихонько. Разозлился Ярослав. Не так он все себе представлял. Думал, что посопротивляется дочь купеческая для приличия, да и поднимет подол сарафана своего, а она и не думала с ним любиться, видать, так противен ей был молодец.

Привстал Ярослав с нее да нахмурился, разозлился на змею подколенную, что душу его смутила.

– Да ревешь ты что, али не по нраву я тебе? Чем я хуже твоего полюбовничка? Ему подол поднимаешь по ночам, а мне не даешься?!

Смекнула Святослава сквозь слезы, что упрекал он ее в пороке несодеянном.

– Да нет у меня никакого полюбовничка! – крикнула она ему. – Девка я! Ею и была по сей день!

Как громом поразила она Ярослава. Но не сильно он ей поверил. Видать, спастись от него хочет, вот и прикидывается непорочной.

– Так я же тебя на ранней зорьке видел. Ты от него бежала в дом свой. И платочек весь такой надушенный был, цветами пах ароматными. Будешь это отрицать?

Святослава посмотрела на него удивленно да заметила, что насильник ее хватку поубавил, видимо, в чем-то засомневался.

– Да к отцу я на пристань бежала, проводить корабли его! Не попрощалась по глупости с ним на вечерке, вот и помчалась поутру. Все о том в городе знают, что батюшка отбыл тогда в Корсунь. И ремесленники меня видели, как махала ему рукой да имя выкрикивала. Кого хочешь спроси, коли мне не веришь!

Смутился Ярослав от такого признания. Неожиданно для него все обернулось. Встал с девицы, что под ним возлежала, и отошел в сторонку, загадочно на нее посмотрев. Святослава тем временем быстро с земли вскочила да юбку одернула. Но не укрылись от глаз зорких охотничьих ни ноги ее стройные, ни овал бедра, манящий нежностью. Тяжело сейчас думал Ярослав. Ох как тяжело. Уже понял, что в ней ошибся. И в правду девка она невинная была. И вела себя все время как подобающе, а он настойчиво не хотел этого замечать. Прав был друг его Мстислав, все верно говорил, что непорочна она. Да только он не верил, свое гнул. А теперь понял, что ошибся, ох как ошибся. Только поздно уже было. Распалила она его до огня дикого. Сердце бешено колотилось, отдавая стуком в висках.

Но он сделал последнее усилие усмирить себя, ведь князю обещался не порочить незамужних девиц киевских. И тут невольно поднял взор свой на Святославу. Да понял, что зря это сделал. Стояла она перед ним с грудью высоко вздымающейся, а плечико оголенное сквозь ткань разорванную сверкало на солнышке, моля о ласке. Златые волосы по плечам рассыпались, словно окутывали ее покровом шелковым, а губки алые чуть приоткрыты от волнения. Ярослав еще более взбудоражился от мысли лихой, что он первым станет. Только его она будет! Шагнул он к ней со взором затуманенным да обжигающим. Святослава пошатнулась от страха девичьего да на колени упала, разрыдавшись.

– Не трогай меня, всеми богами прошу, не трогай! Девка я. Батюшке обещалась честь сохранить к приезду его. Удавлюсь, коли тронешь!

Ярослав застыл как вкопанный. Не шутит девица и честь свою кровью смоем, случись чего. Не хотел он этого. Не так хотел. Огромной волей усмирил он себя снова да пламя молодецкое остудил. Не тронет он ее, не сегодня.

Но Святослава этого не заметила, ибо очи на молодца не поднимала. Стала далее причитать:

– На тебе кровь моя будет. По ночам стану тебе являться, коли не оставишь, – и тут она вскинула головку гордую да рассмеялась громко, язвительно. Сама не сознавала, что творит. – Да только слабых девок ты и можешь насильничать! Дождался, когда батюшка мой уехал да одну оставил, вот и повадился за мной. А ты пойдя со Степаном, защитником моим, поборись. Выследил, что Степана я домой спровадила и сразу кинулся ко мне насильничать. Трус ты и подлец, и нет в тебе чести дружинника княжеского!

Святослава это в сердцах сказала, не подумала. Отшатнулся от нее Ярослав, как холодной водой она его облила. Опомнился. Змея перед ним сидела да больно душу десятника жалила.

Ведь он не тронул ее даже, не отобрал красу девичью. А она его как воина срамить начала, чего ни один вой бабе не простит.

– Ты думай, что говоришь, девка! – грозно сказал он ей да блеснул глазами серыми и холодными, как мечом воздух прорезал.

Но Святослава не унималась. Поняла, что это единственный ее шанс спастись от позора.

– Так и есть трус, – и она встала перед ним гордо, – только и кичишься, что ловкостью своей ратной. А кроме нее у тебя ничего более и нет. Душа-то низкая. Недостоин ты быть витязем Руси славной! Недостоин защищать рубежи наши. Убирайся, видеть тебя не могу, подлого!

Ярослава так зацепили слова последние, что чуть не ударил злословницу. Да вовремя себя остановил. Недостойна эта змея, чтоб он об нее руки марал. А еще думал миловаться с ней да своей назвать. Тоже, расчувствовался! Все бабы одинаковы. Пока ласковый с ними, ласться, как кошки, а как не по их сделаешь, так сразу на рожон лезут. И эта ничем не лучше. Посрамить решила его как воина. Если бы как полюбовника посрамила, простил бы ей. Но она на самое святое покусилась. Такого никогда он ей не простит.

Развернулся новгородец резко да ушел от нее в чащу темную, оставив посреди леса, как сама того просила. Бешено сердце Ярослава колотилось, да уже не от жажды ласок девичьих, а от гнева праведного. Не будь она дочкой купеческой, придушил бы ее на месте за слова столь несправедливые да позорные. Долго так шел, пока тишина лесная успокоение ему не принесла. Прислонился дружинник к дереву могучему, чтобы отдышаться. Да опомнился, что оставил девицу совсем одну посреди чащи темной в глуши лесной.

– Нехорошо, нехорошо, Ярослав, поступил, – сказал он сам себе с сожалением. Хоть и ненавидел сейчас Святославу, да все же оставлять там её одну не стоило. Зверь дикий да голодный по лесам бродит, пропитание рыщет.

А Святослава тем временем совсем в лесу потерялась. Металась от дерева к дереву. Те все одно на другое похожи да высоченные, небо голубое густой листвой скрывают. Расплакалась красная девица от мыслей горьких. Не от насильника погибнет, так в темном лесу потеряется. Побежала было в одну сторону, затем в другую. А везде все одно, лес темный да страх необъятный. Стала она аукать подруг своих, может, кто ее услышит. Не хотелось вот так в чаще погибать. Поаукала да замолчала, поняв, что так вернее к себе диких зверей привлечет. Лучше как мышка будет себя вести, может, тогда и пройдет лютый волк стороной.

Вдруг в тишине она услышала журчание ручья, обрадовалась. По ручью к реке выйдет, а там и до Киева как-нибудь доберется. Бросилась она на звук воды, подбежала, да застыла как вкопанная. Посреди ручья медведь огромный бурый стоял да водицу лакал пастью своей клыкастой. Святослава тут же решила скрыться в чаще, да поздно было. Медведь услышал шорох и морду поднял. Всего лишь миг стояли они вот так, друг на друга уставившись. Девица на хищного зверя, а он на нее. И через мгновение, кое человеку вечностью покажется, медведь рыкнул яростно, но остался стоять на месте.

Святослава замерла, побледнев вся, даже стук сердца остановился от испуга. Знала, что лучше не шевелиться. А коли побежит, медведь сразу за ней кинется и быстро догонит. От медведя убежать никому еще не было дано. Так и стояла девица, в дерево вжавшись и не дыша, надеясь, что зверь сам уйдет. А медведь все смотрел на нее глазами своими убийственными, присматривался. Тут ветерок подул в его сторону, учуял нос зверя явственно, что человек перед ним стоит. Взыграл голод лютый внутри него. Медведь в полный рост поднялся да зарычал на весь лес, клыки ужасные в пасти оголяя. А когда опустил на лапы могучие, бросился всей тушей тяжелой к девице.

Святослава истошно закричала, бежать рванулась. Да рука чья-то сильная ее схватила и в сторону оттолкнула. Это был Ярослав. Он сам перед медведем встал с луком нацеленным и выпустил три стрелы подряд в хищника, угодив тому в брюхо, шею и пасть раскрытую. Да медведь лишь еще пуше зарычал и, разозленный, на охотника бросился, кровью обливаясь. Новгородец тут же меч свой из-за спины вытащил да изготовился, а когда зверь к нему подбежал, упал ничком, под медведя подкатываясь, да вонзил меч в сердце хищника. Тот зарычал в предсмертных муках, лапами когтистыми замахал, зацепив плечо молодца, да и упал на брюхо. Ярослав же успел в сторону откатиться, чтобы не раздавила его туша огромная. Затем сел рядом с медведем убитым и отдышался. Из плеча кровь хлестала, а новгородец вовсе не замечал этого. Глаза его огнем ярким горели от победы славной. И крикнул Ярослав боевой клич свой воинский на весь лес. Ведь медведя огромного завалил! Второго уже на своем веку, да первого из-за девки. Вот друзья над ним потешаться станут.

Святослава же испуганно из-за дерева на эту сцену поглядывала. И только когда умолк Ярослав, вышла к нему нерешительно. Посмотрел молодец на неё своими дикими глазами, жаждой крови наполненными.

«Да он не лучше медведя этого, а то и хуже», – мелькнуло у девицы в голове. Но взяла она себя быстро в руки, страха не выказывая.

– У-у т-тебя плечо в-в крови, – пролепетала еле слышно голосом прерывающимся от страха пережитого.

Ярослав посмотрел на плечо да ухмыльнулся. Бывало и хуже. Разорвал рубаху свою, оголив торс мужеский, да порвал на полосы.

– На, повяжи, чтоб кровь не хлыстала, – сказал грубо девице, протянув лоскуты.

Святослава послушно опустилась подле него на колени и стала рану вязать. Когда же кровь была остановлена, Ярослав поднялся во весь рост да вдохнул воздуха глубоко, расправив грудь широкою. Поднял с земли свой меч, уселся сверху на тушу медвежью.

– Что ты д-делать собираешься? Он же м-мертвый! – удивилась Святослава.

– Шкуру с него сниму да трофеем своим охотничьим сделаю.

– Только не это! – вскрикнула девица уже не препинаясь и отвернулась с омерзением. И вовремя, Ярослав уже начал тушу разделявать.

От звука плоти раздираемой девицу вытошнило прямо тут же на травку. А дружинник только и улыбнулся, продолжая свое дело делать. Бабы есть бабы, что с них взять! Не понимают, что это только на славу молодцу послужит да в дружине его возвысит. Не каждый может на медведя сам пойти и одолеть его. А он смог, да еще в семнадцать-то годков.

Ярослав быстро снял шкуру с медведя, опытно орудуя мечом и ножом охотничьим. И когда взвалил себе на плечи мех окровавленный, крикнул Святославе, которая в себя приходила подле ручья, водой омываясь:

– Пойдем же скорее, а то на запах крови всякий зверь сейчас прибежит! А спасать тебя снова я не собираюсь, мне шкуру медвежью в Киев надобно донести.

И рассмеялся. А Святослава обиделась, что шкура ему ценнее девы живой, но пошла спешно за молодец, не отставая. Хватит с нее приключений лесных на сегодня!

Шли быстро по лесу. Ярослав то к земле припадал, то ветки обнюхивал, то на небо смотрел. Смеркаться начинало. Но он шел уверенно, знал, где Киев-град стоит. Он и в новгородских лесах себя как дома чувствовал, и здесь не сплешает.

Святослава шла за ним молча, не обращая внимания ни на ветки, что по лицу хлестали, ни на сарафан рваный.

– Хоть бы спасибо мне сказала, что жизнь тебе спас, – не выдержав ее молчания упорного, упрекнул Ярослав.

Святослава хотело было вспылить на упрек столь несправедливый, ведь не по своей же воле оказалась в лесу глухом, да смолчать решила. Не в том она сейчас положении, чтобы гордость выказывать.

– За то, что от медведя спас, собой рискуя, спасибо тебе, Ярослав. А вот за остальное чести тебе нет, – вежливо отозвалась она из-за спины.

Ярослав остановился и на нее оглянулся. Идет себе девица с виду спокойная, знает свою правду.

– Коли бы сразу сказала, что нет у тебя любовника да что девка еще, ничего бы и не было.

– Но ты же не спрашивал! Взял да и накинулся.

– Ранее должна была сказать, когда в лесу еще целовались.

Святослава побледнела. Не выйдет у новгородца вину свою на нее переложить!

– А что ж, сам догадаться не сумел? Чай, опытный и девицу честную от распутницы отличить сможешь, – и снова задела она его за живое.

– Да когда лобызалась со мной в лесу, не сказал бы, что девка ты. Ох как льнула ко мне, как губки-то от сладости раскрывала, – огрызнулся Ярослав.

Святослава будто пощечину в ответ получила. И знала же, что упрекал справедливо. Ведь и впрямь под конец льнула к нему да губы свои нецелованные раскрывала.

– Но это вовсе не значит, что я на большее согласие дала! – только и оставалось ей сказать в ответ.

– Это я уже понял, – хмыкнул Ярослав и спокойно далее пошел.

А у Святославы любопытство разыграло. Решила расспросить молодца о делах его любовных.

– Да неужто тебе все девицы безотказно отдаются?

Новгородец лишь ухмыльнулся. Святослава сразу поняла по виду его самодовольному, что ни одна еще не отказала.

– А как же ты девок-то порочить не боишься? Ведь накажут же, – не унималась она. Любопытно ей было.

– За что накажут? За то, что сами предо мной подолы задирают?

– Ой ли, все прям задирают? – вздумала подшутить над его бравадой девица.

А Ярослав снова спокойно на нее оглянулся да ответил твердо:

– Все задирают, – многозначительно вымолвил он и далее пошел.

– Да неужто ни одна не отказала? – обида за девиц бестолковых разыграла в Святославе. – Быть того не может! Ведь девки честь свою должны беречь для мужа будущего. А то как-то неправильно получается.

– Когда встречает девка молодца славного, она о муже будущем да о чести своей не думает, – с некоторым презрением ответил новгородец. – Лишь бы молодец поласкал ее ночкой темною, да так поласкал, чтобы на всю жизнь она его запомнила. Сучье племя, чего тут взять! – грубо выругался Ярослав, не обращая никакого внимания, что у девицы, коя рядом шла, щеки краской багряной залились от слов скверных.

Святослава же ясно поняла, что девиц он ни во что не ставит. Только берет от них, что ему нужно, да бросает. А коли сердце девичье его полюбит? Вот настрадается глупая!

– Да, много девиц ты пострадать заставил, – заметила она грустно. – Я хоть из сучьего племени, как ты говоришь, но знаю, как сердце девичье любви хочет. Да не такой любви, как ты описываешь, а настоящей.

– Нет ее, любви настоящей. Девки о ней мечтают, да как увидят молодца красного, сразу обо всем забывают. Только об одном и думают, как бы приобнял до зорьки утренней, да по сильнее.

– Я о том не мечтаю! – решила заступиться Святослава если не за все «сучье племя», то хотя бы за себя. – И никогда не мечтала.

– Это ты просто молодца еще не повстречала, с кем покой потеряешь, о ком думать будешь по ночам да молить о поцелуях жарких.

– Как же не повстречала? Идет один такой передо мной!

Ярослав от неожиданности встал как вкопанный и обернулся на девицу. Та стояла перед ним прямо и глядела открыто, а в глазах ее изумрудных огонек странный горел.

«То ли подшучивает надо мной, то ли признается? Да ну ее, явно посмеяться решила».

– Да не того ты выбрала, – сказал спокойно, в ответ жёстко улыбнувшись. Не поддастся на ее чары девичьи. Не из тех был! – Мне от девок только одно надобно. Они у меня не в чести, чтобы я холил их и лелеял. Если о любви мечтаешь, то лучше свой взор на Мстислава обрати. Он о тебе постоянно выпрашивает. А по мне так любовь лишь громкое слово для глупцов.

– Так ты хочешь сказать, что тебе никто не люб? – наивно спросила девица.

– Ни разу не любил и не люблю.

А Святослава словно ждала такого ответа. Того ей и надобно было.

– Это ты просто девицу еще не повстречал, с коей покой потеряешь, будешь думать о ней по ночам да молить о поцелуях жарких.

И она гордо вскинула головку свою златовласую и прошла впереди Ярослава, лукаво обернувшись:

– Пойдем же домой быстрее, витязь русский. Я своего молодца искать, а ты свою ненаглядную.

И Ярославу ничего не оставалось, как последовать за ней молча. Подловила его девка хитрая на его же словах. Вот же змея подколотная! Да только все равно на душе у него хорошо было. Рядом с ней хорошо. Нравилось ему, как она его покусывает да покалывает. Знает девица, когда над ним подшутить можно, а когда и смолчать лучше.

А слова те обидные, что в лесу ему сказывала, он ей простил. Давно простил, сразу, как от медведя защищать бросился. Екнуло тогда сердце молодецкое. Не на шутку он за нее перепугался. Вмиг понял, что жизнь свою не пожалеет, а ее спасет. Вот и бросился зверю поперек, оттолкнув девицу в сторону. Не подумав бросился. Только сейчас понял, как собой рисковал ради девки златовласой. Но Святославе о том вовек не скажет, чтобы силу над ним свою не почувствовала. Да неужто запала девица в душу его? Да так незаметно? Не знал на то Ярослав ответа. Темно внутри все было. Но все равно хорошо на душе, когда она рядом такая гордая и красивая идет. Ох как хорошо и сладко-то...

Так и шли вдвоем по лесу дружинник славный да девица-раскрасавица. Молча шли, каждый о своем думая. Вышли из леса, когда стемнело. Да на поляне света от горящих факелов много было. Разыскивали их уже. Степан как увидел, что хозяйки его нет нигде, да подружек ее заметил в обнимку с молодцами, кроме одного, новгородца, сразу поднял пол-Киева, чтобы найти Святославушку, чуял беду.

– Вон они оба идут! – вскричал кто-то в толпе.

– Ох какая же Святослава растрепанная! – удивилась громко одна баба.

И вправду купеческая дочь шла с волосами распущенными да спутанными, в платье грязном да разорванном, вся в царапинах да ссадинах. А за ней следом Ярослав шел. Тоже весь в царапинах, с кровавой повязкой и медвежьей шкурой на плечах.

– Что же приключилось с тобой, горлица ты наша?! – бросились к Святославе тетка ее с дядькой.

Тут же к ним и другой народ сбежался. Всем надо было знать, где дочь купца пропадала. Всем позлорадствовать хотелось да косточки девице перемыть. Чай, не одна была в лесу, а с новгородцем.

– Грибы собирать пошла, о том и Степан вам сказывал, да в чашу лесную далеко забрела, вот и потерялась, – стала оправдываться дочь купеческая. – А подружки мои заметили, что нет меня нигде. Вот и попросили Ярослава, кой охотник опытный, чтоб нашел и домой возвратил. Да только медведь на меня напасть в чаще той решил, и Ярослав мне жизнь спас, зверя убив.

Собравшийся люд посмотрел, куда девица рукой указывала. Чуть в сторонке стоял дружинник княжеский с глазами уставшими. Ведь он до сих пор держал на плечах шкуру медвежью, ох и тяжелую.

– Как же ты, молодец, в одиночку медведя завалил? – теперь народ к нему приставать начал, забыв про Святославу, а та и рада была.

– Так и завалил, – гордо ответил Ярослав, – стрелами да мечом острым!

Скинул он шкуру медвежью на землю да меч из-за спины достал окровавленный, народу показывая. Все захохотали, подивились подвигу молодца.

– Такой молодой, а уже медведя поборол, – судачили в толпе. – Не зря его князь десятником сделал.

– Вот вам и новгородец. Всем нашим мужикам пример, – смеялись бабы киевские.

Святослава же к своим подошла, так как никто более на нее внимания не обращал, ведь не получилось девку в срамоте уличить. Все поверили, что и вправду потерялась, а дружинник спас ее от беды неминуемой. Шкура свежая медвежья да рана война тому немymi свидетелями были. Никто и не вспомнил спросить, а что Ярослав в том лесу-то забыл. . .

Один только Степан заботливо Святославу за плечи взял да своим плащом крестьянским накрыл, пряча разодранное лесными ветками платье девицы. А когда накрывал хозяйку свою, невольно глаза его засияли да улыбка на устах заиграла нежная. Но Степан вовремя опомнился, снова хмурым и серьезным стал. Обернулся на родичей девицы, не заметили ли чего? Но тем не до холопа было.

Только один человек был, который все приметил. Ярослав, он все видел. Пока перед людом о подвигах своих рассказывал в лесу, краем глаза за Святославой наблюдал. Вот и узрел, как холоп ее за плечики взял нежно да как его очи засверкали. Не понравился тот взгляд Ярославу, ох как не понравился. Не как на хозяйку Степан смотрел на Святославу, а как мужик на красную девицу. Ярослава передернуло от злобы. Сверкнул он очами на холопа дерзкого. А тот как почувствовал, тоже на него в ответ взглянул. Схлестнулись жестко глаза серые с карими. Каждый из них все про другого понял. Стояли, как два хищника. И хоть Ярослав выглядел грозно, да холоп взгляда не отвел. Ухмыльнулся лишь в ответ. «Не бывать Святославе девкой твоей!» – подумал Степан. А Ярослав будто мысли его прочитал, напрягся весь. Так бы и стояли друг против друга, гневно глядя, если бы Святослава не захотела домой пойти да не покликнула своего слугу верного. Тот нехотя на зов повернулся и пошел за ней следом, оставив Ярослава в ярости.

«Ишь как умело пользуется своим положением! Небось и в горницу к ней ходит!» – подумал дружинник, провожая прищуренным глазом соперника неожиданного.

А холоп тем временем за хозяйкой шел да в усы себе улыбался. Вон как разозлился вой княжеский. Видать, глаз на Святославу положил. Но Степан своего не упустит. Ему самому такая девка нужна. Чай, Степан тоже из знатной и богатой семьи. Старшим сыном ростовского боярина был! Да только спутался по молодости с людьми лихими, вот и ушел из дому, а потом в долговой яме в Киеве оказался, пока Никита Кузьмин его не выручил. Поклялся он купцу тогда в верности, что служить будет, ведь от беды его тот избавил.

И непременно сдержал бы слово свое, кабы дочка купца не приглянулась. Да так приглянулась, что кровь в жилах застывала от одного ее взгляда. Хоть Степану уже давно за тридцать годков перевалило, но мужик он был в расцвете сил. Статный и видный, не хуже богатырей княжеских. А как увидел Святославу в первый раз, так и тронули сердце блудное красота девичья да чистота душевная, разжигая в нем надежду пламенем. Вот и думал Степан, как взор очей девичьих на себя обратить. Чтоб разглядела в нем мужика, достойного себе. А то, что он в холопах у нее ходит, не беда. Придет времечко, все расскажет о семье своей почтенной ростовской, о хоромах своих да о жизни буйной молодецкой, кою с вольным людом провел по лесам да степям.

Степан для себя уже давно решил, что Святослава только его будет. Как возвратится купец, так и поговорит он с ним по-серьезному о дочери единственной, в женки попросит. Ведь такая жена, умница да красавица, в любом доме почет! А пока другом ей станет, чтоб девица сердечко свое да душу доверила, чтоб привыкла к нему и не боялась. Только одно сейчас его настораживало: как тот молодец на него глядел, словно вызов бросая. Да Степан своей хозяйшкочкой ни с кем делиться не станет. Но ведь тот, второй, разрешения спрашивать и не подумает, сам за Святославой ухаживать начнет. Прочел то холоп в глазищах дружинника серых да волчьих. Хоть сердце Степана и обрадовалось, что Святослава на воина внимания не обращала, да надолго ли? Соперник тот грозный, только в пору своего мужицкого цветения вступающий, видный и статный, выдержит ли сердечко девичье напор молодецкий? Не знал на то ответа Степан, да и знать не желал. Все равно по его воле все будет!

Глава 5

На следующий день молва покатила по Киеву о вое молодом княжеском, что медведя в лесу убил, девицу спасая. Сам князь пришел на шкуру зверя посмотреть. Ярослав к тому времени себе уже трофеи из нее сделал – шапку меховую пошил да полушубок с сапожками. А из клыков медвежьих ожерелье смастерил да на грудь молодецкую повесил.

– Ишь какой, не успел я тебя в град выпустить, как уже весь Киев гудит о твоём подвиге славном, – пожурил его князь по-отечески.

– Ты, князь, лучше меня на дело какое отправь. Что ж я свою удадь все на девок да на медведей растрачиваю, – ответил Ярослав, ожерелье показывая из клыков острых.

– Это хорошо, что к ратному делу стремишься, однако успеется. Подождать надобно, – сказал князь задумчиво. Были у него свои планы на воина молодого и дерзкого. Знал уже, о чем попросит, да не времечко еще. – Сейчас Вересень отгуляем, тогда и поговорим о деле твоём.

И князь вышел, оставив десятника в надежде, что скоро тому удадь свою и в ратном деле показать придется. Не мог уже смиренно сидеть Ярослав в Киеве, хотелось молодцу настоящих врагов мечом да стрелами покромсать, крови пролить в честь Перуна, коим с рождения был отмечен. Жаждала душа молодецкая побед славных да трофеев бесценных. Порадовал князь его речами своими загадочными. Почуял новгородец, что скоро на ратное дело настоящее отправится. Хорошо стало у него на душе, добро.

А коли впереди празднование двухнедельное сбора урожая и медовуха рекой будет литься, надо нагуляться напоследок! Благо князь разрешил своему десятнику и воям его в город под вечер выходить, но под строгое слово, что по утрам на сборах дружинных будут вовремя. Хоть и велика была такая честь для простых воинов, да князь видел, что Ярослав своих витязей, как и себя самого, в строгости держит, праздности не дает, каждый день тренирует. И решил Святослав им вольности немного дать, чтобы знали остальные, как милостив князь к дружинникам прилежным да старательным в ратном деле.

Вот и шел сейчас Ярослав по Киеву с гордо поднятою головою, чай, каждая собака уже знала его имечко. Не каждый день на Руси такие смелые воины рождаются, кои медведя взрос-

лого в одиночку уложить могут! А девки-то, девки вон как глазками стреляют да к себе во дворы заманивают. Новгородец стал самым желанным женихом в домах крестьянских да боярских. Но Ярослав и не думал о женитьбе. Не до того было. Хотел сначала князю в ратном деле послужить. А потом можно и о жёнке подумать, годкам этак к тридцати, когда устанет от крови да трофеев ратных. Однако, несмотря на нежелание жениться, девкам все же должное внимание отдавал, да сердечки нежные поразбивал. И это все за неделю после истории с медведем...

Друзья же его, Мстислав и Радомир, другу не завидовали. Благодарны были, что он на их подруг не косится. Мила да Ростислава им любви стали и постоянно с ними гуляли теперь. Радомир даже подумывал жениться на Миле.

– Ты погоди спешить. Мы сначала князю послужим, потом женишься, – остужал его новгородец, а Радомир мнение десятника своего уважал и слушал.

Вот так они втроем да с девицами гуляли по Киеву. Через седмицу уже Вересень начнется, и сейчас весь люд киевский толкался на ярмарках, прикупал съестное да наряды обновлял.

Святослава тоже в центр града выбралась, прикупить в дом утварь нужную, ведь за главную в тереме осталась. Съестное в дом кухарка покупала, но утварь – только сама хозяйка. Вот и искала сейчас по лавкам скатерку на стол красивую с вышивкой сребристой да с золотыми узорами. Хотела славный стол в доме накрыть да соседей позвать на празднование сбора урожая.

Проходя по улочке между лавками, увидела, как в центре площади медведь на лапах задних пляшет под дудку скоморошную. Все любили такие зрелища. И сразу же около зверя толпа собираться стала, смеясь да потешаясь над зверюгой грозною. И Святослава туда же подалась. Никого она с собой сегодня из слуг не взяла, даже Степана. Больно уж докучать стал своей заботой отеческой.

Тем временем возле медведя большой круг людской образовался. Все громко хохотали от представления, и зверь стал пуще прежнего выплясывать, подогреваемый криками да улюлюканьем.

– А вон и охотник наш славный! – крикнули в толпе. – Небось ты медведя приручил лесного так плясать? Бойтся тебя зверюга, вот и вытанцовывает, чтобы ты из него бусы не сделал!

И в толпе рассмеялись. Святослава посмотрела туда, куда весь люд пальцами указывал, да и увидела напротив себя Ярослава. Только медведь пляшущий мешал ей полностью разглядеть дружинника княжеского. Молодец же стоял среди люда с головой гордо поднятой, а на груди ожерелье из клыков медведя сверкало белизной на солнышке. Улыбался Ярослав на оклики. Рукой кому-то махнул приветственно. И приобнимал девку красную, да не Аленушка, а новую. Та вся гордая стояла и улыбалась, какой у нее воин славный, весь Киев уж о нем прознал!

Святослава же не обращала внимания ни на медведя, ни на люд смеющийся. Все на Ярослава поглядывала. Пока зверь напротив них пляшет, не приметит ее молодец. Вот и решила моментом воспользоваться да рассмотреть того получше.

Был он сейчас доволен собой да приветлив, глаза мягким светом лучились. Не было оскала волчьего и в помине. Да только Святослава помнила оскал тот да взгляд лютой, который ее так всегда пугал. Знала, что дружинник внутри словно хищный зверь, ничем не лучше медведя убитого. Да только сегодня он сущность свою глубоко припрятал. Вон какой добрый да радушный, и не скажешь, что охотник хладнокровный, в жилах коего кровь волчья бежит.

Но все равно Святослава им залюбовалась. Ведь и вправду молодец был сложен славно да красив. Тело поджарое, тренированное, знатным поясом перетянутое, что подчеркивал его стать молодецкую да бедра узкие. Плечи широкие держали шею могучую, а на шее той голова

гордая сидела. И красив был лицом. Скулы мужественные, но не сильно широкие, что придавало ему некую мягкость и ласковость. Нос прямой и утонченный, а губы плотные и одновременно мягкие, словно для поцелуев и созданные. Красоту же всю эту мужицкую увенчивали короткие белокурые локоны, на солнце, словно шлем боевой, серебром отливающие. А глаза-то какие... Большие да ясные, цвета серого, оттененные ресницами густыми да бровями грозными. В таких глазах и утонуть-то не жалко, столь глубоки они были и завораживающи.

Поняла теперь Святослава, за что девки его так любили и подолы свои охотно поднимали. Это он с ней суровым был да сущность свою волчью показывал, пугая девицу. А с другими был ласков и приветлив. Вон как полюбовница новая на него заглядывается, расцветая вся от каждой улыбки ответной. И почему со Святославой он так себя не вел? Почему ей звериную сущность лишь показывал? А может, оно и к лучшему, что девицу не обманывает? А то была бы сейчас Святослава подле него, да только после горько бы жалела о том дочь купеческая. Ходила бы с сердцем разбитым, когда он новую полюбовницу себе бы нашел на утеху молодецкие.

Значит, к лучшему, что не таится он перед ней, не обманывает, не завлекает в ловушки свои охотничьи. Да только Святославе одно покоя не давало: каким он нежным был и внимательным, когда целовал ее в лесу на вечерней зорьке. Помнила девица, как Ярослав нежно на нее глядел да рукою ласково гладил щеки ее персиковые. Неужто обманом все было? Видимо, как есть обманом! Ведь совсем другим он пред ней предстал, когда в лесу хотел понасиловать, зверем лютым обратился да хищным, от коего никуда не денешься и не скроешься, все равно выследит.

Встряхнула головкой своей Святослава от дум пришедших. Не хотела вспоминать ту встречу в лесу недобрую. Ведь он жизнь ей спас тогда да не тронул красоты девичьей. А может, она действительно сама во всем виновата, невольно распалив новгородца поцелуями своими? Ведь когда миловалась с ним лесу, не сказала, что девка еще да честь свою бережет для мужа будущего. Вот Ярослав и решил, что доступная она и на все согласная. Вот и получается, что сама тому виной...

А пока Святослава стояла да думала перед медведем пляшущим, новгородец прославленный тихонько рассматривал ее краем глаза. Сразу заметил, как девица златовласая к толпе подросла на медведя глядеть, зорек ведь как сокол был, да виду решил не показывать, чтобы не ушла она. Заметил и то, как девица его пристально всего разглядывала, будто изучала. Дружинник не стал ей мешать. Пусть смотрит себе да думает о силе его молодецкой. А потом увидел, как девица очи в землю опустила, будто задумалась глубоко. То улыбалась сама себе, то грустью затуманивалась. Вот и сейчас о чем-то думала напряженно, вон как губки свои алые закусила. Уставился прямо на нее Ярослав, не скрываясь более, интересно ему было, отчего девица так кручинилась.

Святослава почувствовала на себе взор пристальный. Тут же очи свои подняла, да и ахнула про себя. Ярослав, что напротив стоял, зорко на нее смотрел. Он тут же поймал взгляд ее да не отпуская более, глаза в глаза смотрел, сковывая. А Святослава и не думала взор свой от молодца отворачивать. Что-то в глазах его серых заставляло смотреть безотрывно. Погружалась девица в очи его все глубже и глубже, что-то важное сказать они ей пытались, что-то, о чем она еще не ведала. Так и стояли, оба замерев, смотрели друг на друга, не моргая.

Тут Святославу толкнул кто-то нечаянно, ведь в толпе была людской, чай, не на поляне посреди леса. Очнулась девица, отвела свой взгляд от дружинника, да и вспомнила, что за скатеркой пришла, а не на медведя глядеть. И прочь пошла от веселящихся, не осмелившись более посмотреть на Ярослава. Боялась, что если еще раз на него взор бросит, не сможет уйти, так его глаза серые манили да стоять велели, не отворачиваясь.

Выбралась купеческая дочь на улочку торговую и стала скатерть по лавкам присматривать. Пока узоры разные разглядывала, уже и позабыла о новгородце. Да только он о ней не позабыл. Как только Святослава ушла из толпы людской, сразу за ней пошел. Не мог не пойти. Хотел хоть словом с девицей перемолвиться. Ведь после случившегося в лесу ни разу с ней и не свиделся.

Святослава уже выбрала себе узор понравившийся с птицами красными, золотом расшитыми, как подле уха услышала тихий голос мужской, до боли знакомый:

– Ты бы не брала эту скатерку, Святослава, вон ту лучше возьми, коли хочешь гостей изумить.

Ей и поворачиваться не нужно было, чтобы понять, кто сзади стоит. По голосу сразу узнала, с хрипотцой легкой, только нежности его поразила, снова вспомнив о поцелуях лесных сладких.

Но она все же обернулась, не могла сдержаться. Ярослав во весь рост стоял перед ней, очами серыми лаская.

– А почему же ту скатерку, молодец, чем она лучше? – спросила спокойно, волнения не выказывая.

– На той скатерке серебра да злата больше, да подсолнухи яркие о радушии хозяйки больше скажут, чем птицы красные. Тех лучше на стол класть перед милым своим, да сапоги ему сразу снимать и в светелку вести.

Поразила Святослава, как молодец все эти мелочи приметил, о коих только хозяйкам ведомо.

– Дайте мне скатерку с подсолнухами, – подумав, указала пальцем на другую.

Когда расплатилась с купцом, повернулась к дружиннику.

– Вон оно как, ты и медведя один на один одолеть можешь, да дружинник славный, и в утвари домашней разбираешься. Поражаешь ты меня, Ярослав, своими умениями!

И осеклась. Первый раз назвала его дружинником славным. Ведь тогда, в чаще лесной, кричала она ему совсем другие слова, обидные да несправедливые. И от себя самой смутилась. А Ярослав только улыбнулся в ответ, оскалив зубы белоснежные и клыки показав, что среди других чуть выделялись.

– А вот это я понесу, раз сам посоветовал, – и выхватил у нее из рук скатерку сложенную да под мышку себе заложил.

Святослава спорить не стала, но решила над ним подшутить.

– Ну, коли ты у меня носильщиком нанялся, я не против, – и усмехнулась.

Ярослав не обиделся, игру подхватил.

– И побуду сегодня носильщиком, если медку со мной попьешь.

Задумалась девица над предложением. Но в медке-то ничего плохого не было.

– Ну, веди меня, дружинник, медком угощай, да скатерку смотри не помни.

Но вместо того чтобы съязвить в ответ, на что девица и надеялась, Ярослав взял ее руку в свою и повел от палаток в сторону. Святослава этого вовсе не ожидала. Встрепенулась да руку вырвать попыталась. Но не отпустил ее новгородец, крепко сжал ладонь девичью и дальше повел, словно так и надо было. Купеческая дочь шла за ним, словно ослик послушный. Опять на свои собственные грабли наступила. Думала поиграть с дружинником, а он снова ее воле своей подчиняет и не думает играть в ее игры.

Прикусила губу девица, сама себя браня. Ведь знала, что не обычный он молодец. Волк он хищный, всегда все по-своему делает. Обманул ее нежным голосом, с толку сбил учтивостью да в ловушку завлек. Вот и шла за ним на заклятие. Не отпустит ее теперь, пока сам того не пожелает.

Подошли они к бочке с медом. Кинул деньгу Ярослав мужичку, что разливал напиток сладкий, попросив две чарочки. И только когда тот принес питье, отпустил руку спутницы своей.

Хлебнула Святослава сладенького да рассмеялась.

– А руку-то как хватанул, небось боялся, что убегу от такого славного молодца?

– Да убегала уже, не верю тебе теперь, красавица.

– Повод знатный был от тебя убегать, – улыбнулась хитро в ответ.

– Да не поступлю я более так, посрамила ты меня тогда вдоволь, научила на всю жизнь вперед, что нельзя так с девицами.

Святослава ушам своим не поверила. Неужто признал вину свою? Али опять обманывает да ловушки расставляет, только ему ведомые? Но ей хотелось ему верить, ой как хотелось!

– Хорошие бусы у тебя, знатные, – продолжила она, пустив разговор в другое русло. – Чай, весь Киев прознал про подвиг тот.

– Если бы не ты, не было бы и подвига.

– Ну, раз без меня и подвига бы не было, отдай мне тогда половину шкурки. Я себе воротник сделаю.

– Половину шкурки? – подивился Ярослав наглости такой. – Да куда тебе? Не унесешь.

– А я воз пригоню и увезу.

Смутился новгородец. Не хотел девке сказывать, что нет уже той шкурки давно. Все, что после шитья одежек осталось, друзьям раздал.

– Да зачем тебе мех медвежий? Не к лицу он тебе будет. Тот мех жесткий да грубый. А с такой кожей персиковой только песца да лису носить пушистую.

– Да где ж я песца возьму? Чай, дорого стоит.

– А я тебе сам добуду, в лесу подстрелю, как зима спустится.

– Вон оно как долго ждать придется, – насупилась девица, надув губки алые.

Рассмеялся Ярослав от женских чар, таких неприкрытых. Да на сердце славно ему было. Пусть чарует его, пусть играет. Ему оттого приятнее только. Все равно сердце молодецкое глубоко спрятано, не дотянется.

Новгородец вдруг нахмурился, придвинулся ближе к девке, чтобы жар его ощутила, да произнес серьезным шепотом:

– Весь Киев скоро Вересень встречать будет. Приходи на гуляние.

– Не приду, – также серьезно отозвалась Святослава.

– Боишься меня, что ли? Ведь сказал, что более такого не повторится.

– Не боюсь я тебя, Ярослав, просто ты никак уразуметь не можешь, что не из таких я.

– Это я давно уже понял, еще там, в чаще густой. Не затем зову.

– Тогда зачем? Подол свой не задеру. Чего это ты решил драгоценное время молодецкое на меня тратить?

Вопросом прямо в точку угодила. Ярослав сам не понял, зачем на гуляния позвал. Как-то само вырвалось. Ведь права девица, зачем ему на нее время тратить? Все равно, чего хочет, не в жизнь не получит от такой скромницы.

– А мне с тобой хорошо, когда рядом вот так стоишь, вот и позвал, – решил новгородец в лоб сказать, что на сердце было.

– Да коли я так подле тебя все праздные дни проведу, то ни с одной девкой не полюбуюсь да злиться на меня станешь, – решила отшутиться Святослава.

– А ты не переживай за других девок, они свое получают. За себя переживай.

Испугалась этих слов девица, сжалась вся. Ярослав сразу же заметил свою оплошность и решил исправиться.

– За сердечко свое переживай. То-то и боишься прийти на гуляния, знаешь, что по душе я тебе, да признаться в том не можешь.

– Раз по душе ты мне, чего же я сама за тобой не иду? Все силою меня тянешь. Когда по душе станешь, сама руку твою возьму и на волю твою отдамся!

Ярослав так и вздрогнул. Но не от злости за слова обидные, а от смысла тайного. На волю его отдаться... Было что-то в этих словах заветное, о чем каждый молодец глубоко внутри мечтает. Да чтоб еще такая раскрасавица гордая их сказала! Будет счастлив молодец, кому Святослава так молвить зачнёт да с такой же страстью в глазах. А может, он уже и сам тем молодцем желает стать?

– Помяни мое слово, Святослава, настанет час заветный, когда подойдешь ты ко мне и на волю мою отдашься, – сказал Ярослав, да с таким видом, что понятно было – не шутит.

Девушка в ответ только и смогла, что ресницами длинными да пушистыми хлопнуть. Новгородец сказал, как отрезал. А он свое слово всегда держал. Святослава лишь сглотнула от такого напора молодецкого. Неужто так и будет?

– Тогда ты должен сильно постараться, чтоб я так сделала, – взяла себя в руки Святослава. – А пока по девкам от одной к другой гуляешь, не бываешь сему. Не отдам я сердце девичье тому, кто не оценит его да в грязь втопчет.

– А ты уже собралась сердце мне девичье отдавать? Ну и скорая же ты на любовь! – сказал ей Ярослав в отместку за слова обидные.

Святослава сначала обомлела, а потом рассмеялась. И новгородец вместе с ней. Не уступали они друг другу в языке остром.

– Ну хватит ругаться! – махнул рукой дружинник. – Когда уж миловаться начнем?

И тут же притянул к своей груди широкой красную девушку. Да та не растерялась, губы алые в сторонку вовремя отвернула. Только и коснулся, что щеки ее нежной, обжигая губами горячими. А Святослава ему как наступит на ногу каблуком девичьим. Ярослав от боли руки и разжал. Та выскользнула из объятий его да помчалась прочь, крикнув со смехом напоследок:

– Да ты сначала удержи девушку-то, а потом уж милуйся!

Только и видел Ярослав, как златые волосы сверкнули в толпе людской и исчезли из виду. Вот же бойкая девка попалась! С ней надо ухо остро держать.

Но раздосадованный новгородец тут же улыбнулся, заметив рядом с ним скатерку, подсолнухами расшитую. Забыла девушка вещь свою. Снова забыла, как когда-то платочек шелковый. Знак то был. Не потеряй тогда она свой платок, не целовался бы с ней в лесу на вечерке, не погнал бы ее в чащу густую да медведя не убил во славу свою. А теперь скатерку забыла. Знать, не хочет Лель, чтобы они вот так здесь расстались. Опять знак подал. И, конечно же, Ярослав скатерку возвратит да выторгует у девушки то, что ему надобно.

А надобно было ему, чтобы она с ним на гуляния урожая согласилась хаживать. А тому, что она от него баб других отпугнет, значения вовсе не придавал, не до них ему сейчас было. Лишь хотел он ее сердце пламенем зажечь, да таким, чтобы самому горячо стало! Знал, что честь свою не отдаст она. Да он требовать и не станет. Лишь наказать девушку за красоту ее неприкосновенную хотел, да за то, что плоть молодецкую диким пламенем зажгла. Хотел, чтобы мучилась она по нему да с ума сходила думками запретными. Сердце гордое ее сломить да воле своей подчинить. А зачем хотел все это, сам не ведал...

Глава 6

Поздним утром следующего дня Святослава, корпя над вышивкой полотна, услышала, как во дворе ее домочадцы кого-то прогоняют.

– Нету тебе хода в дом, молодец. Никита Емельянович не велел женихов пускать, пока не воротится, – ворчали тетка да дядька.

– А я и не жених красавице вашей, – смело ответил Ярослав. – Я вещь ее принес, отдать хочу.

– Что за вещица-то? Ничего нашей хозяйке от тебя не надобно!

– Да прекратите вы! – прикрикнула Святослава с крыльца, окинув грозным взглядом родных. – Раскудахтались, вон, всех соседей перебудили, из окон глядят да смеются.

Святослава вышла к дружиннику и увидела в руках сверток. Это явно недавно купленная скатерка была. Девица хотела было забрать свою вещь да молодца поблагодарить, но соседи на них всю глазели. Негоже было на улице показывать, что ее вещь у молодца.

Тогда решила красавица в дом его пригласить, да под предлогом чинным. Поклонилась она Ярославу в пояс да сказала:

– Спаситель мой пришел, как и просила его, почет нам оказал.

Домочадцы обомлели, но вслед за хозяйкой молодой также спину согнули. Ярослав смутился от такого неожиданного приема. Думал, в шею прогонят, а они кланяться вздумали. Тоже им в ответ поклонился.

– Заходи в дом, воин княжеский, будь почетным гостем нашим, – распрямившись, сказала девица вежливо, плавно рукой в дом приглашая.

Новгородец и зашел, коль его просят почетным гостем быть. Соседи тут же из окон исчезли, поняли, что не жених незванный пришел, а гость почетный, что соседку спас. Ведь все уже ведали об истории с медведем.

Святослава молодца завела в хоромы да в центре стола усадила. Взяв у него скатерку свою, засверкавшую подсолнухами золотыми, сразу же на стол и положила.

– Сейчас потчевать тебя пирогами будем, дружинник славный, – снова сказала вежливо.

Ярослав немного удивленно на нее посматривал. Слишком вежливая да спокойная. Но как девка его обхаживала, понравилось. Почувствовал себя чуть ли не баринком. А когда Святослава сама пироги внесла да на стол поставила чинно, так полностью обомлел от такого обхождения.

Накинулся дружинник на угощение да сам себе не поверил, что так вкусно бывает.

– М-м-м, какие же пироги вкусные. Стряпухе вашей поклон, что их делала!

А домочадцы прыснули со смеху.

– Да не стряпухе, а Святославушке кланяйся, чай, ее пироги!

Ярослав глаза удивленные на красную девицу поднял, что чуть поодаль скромно стояла да смотрела, как он ест. «Ну и девка! И красива, и стряпает вкусно, и песни поет ладные, и вон как меня в доме принимает чинно. Да, такая жёнка в любом доме почет!»

Но ничего девице не сказал, стал дальше жевать да квасок попивать. А как закончил трапезничать, сама Святослава его во двор и проводила, чтоб попрощаться.

– Спасибо за прием теплый, – сказал новгородец, в очи ее заглядывая.

– Ты гостем почетным был, Ярослав, но больше не приходи. Чай, соседи надумают, что женихом ко мне повадился.

Задумался на мгновение дружинник. А на устах улыбка заиграла.

– Раз не хочешь, чтобы к тебе хаживал, приходи на гуляния урожая. Тогда не буду домашних твоих более тревожить.

И почему Святослава вовсе словам его не удивилась? Догадалась уже, что за тем и пришел.

– Я подумаю.

– Нет, девица, так не пойдет, – сказал дружинник властно. – Коли не придешь завтра на площадь, где столы с яствами стоять будут, так я сразу к тебе домой пойду, буду звать да камушки в оконце кидать, пускай все соседи видят.

Святослава зло на него взглянула, искрами изумрудными обжигая.

– Не будешь ты так, Ярослав, делать. Дружинник славный не опустится до того, чтобы девицу в окно камушками кликать.

И знала, что права была. Новгородец не из тех, кто так за девками увивается.

– А ты не приди завтра, вот и проверишь, – ответил он ей.

Посмотрела на него внимательно Святослава, да смолчала. А ведь и вправду мог ее покой нарушить. Кто его знает, на что он способен, чтобы своего добиться?

– Приду. А теперь уходи, вырвал уже обещание.

Ярослав поклонился ей с видом победным да к воротам направился. Но тут столкнулся со Степаном лицом к лицу. Взглянули она друг на друга холодно, будто волки, готовые сцепиться за кусок мяса. Да Степан заметил, что Святослава за ними наблюдает, вот и уступил новгородцу дорогу, потупив взор. Ярослав, уже мимо проходя, еще раз глянул на крестьянина. Тот рослый был да сильный мужик. И чего холопу от Святославы надобно? Да понятно чего – того же, что и ему. Не к добру все это было, не к добру. И Ярослав далее пошел, не стоять же посреди прохода. Да и холопа чужого не мог он к стенке припереть, чтобы объяснений потребовать. Оставалось только уйти. Но ничего, Святослава обещалась на гуляния наведаться, а ему большего и не надобно.

Степан на следующий день как разъяренный бык стал, не пускал Святославу на празднества.

– Нечего там красной девице незамужней делать! Чай, молодец много соберется на гуляния, да им только одно надобно.

Знал слуга, что хозяйка к тому сероглазому пойдет, чувствовал.

Да Святослава на своем настаивала и не хотела с собой холопа брать, мол, никто ее не тронет, и тот только мешать станет.

Дядька с теткой в спор не вступали, отмалчивались. На празднование урожая все хаживали, и крестьянка, и дворянка, чай, не Купала был, где срамное дозволялось. Вот и не понимали, чего Степан так разъярился.

– Пойду, Степан, и не мешай, – топнула ножкой Святослава.

– Батюшка за тобой приглядывать велел. Если пойти хочешь, то только со мной, – не сдавался Степан.

– Да не нужен ты мне там! Я с подружками гулять буду, а не с молодцами.

– Отпусти, Степан, – заступилась за хозяйку нянька ее. – На Вересне ничего плохого не случается. Да и Святослава не из тех, чтобы молодцам улыбаться да хихикать с ними, как девка непристойная.

Но слуга на своем стоял. Тогда Святослава подошла к нему, прикоснулась мягко к грубой мужицкой руке да заглянула в глаза карие крестьянские.

– Ты отпусти меня, Степан, я себя чинно вести буду, ничего дурного не сделаю.

Сжалось сердце у крестьянина от нежности ее девичьей. Вот бы так за руку она его вечность держала да глазами изумрудными глядела! Смягчился Степан от ее красоты, отпустил. Не смог отказать. Видно, когда он ее женкой своей сделает, будет из него веревки вить. Но Степану было все равно. Такая красавица пусть все забирает, лишь бы только ему принадлежала.

И когда Святослава убежала на площадь главную, холопу грустно на сердце стало. Знал, что помчалась к новгородцу дерзкому. Не выдержал Степан того, да и решил за ней пойти. Следить будет, а коли новгородец чего плохого надумает, он тому спуску не даст, Ладу свою вырвет из его когтей.

Тем временем Ярослав уже стоял на площади с друзьями витязями, но в разговоре их не участвовал. Радомир с Мстиславом все с подружками своими хихикали да тому дивились, что соратник их сегодня больно молчаливый. А Ярослав гадал, придет ли дочь купеческая али нет. Если не придет, то он, конечно, не пойдет к хоромам ее камушки в оконце кидать, не про него

такая слабость. Это он решил напугать девицу, чтобы пришла. Да не было ее еще, а уж время к вечерней зорьке клонилось. Тут заметил дружинник, как ему девка какая-то голубоглазая улыбается да косою помахивает, завлекая, а он стоит, не шевелится. Ну и дурак же! Но Ярослав не хотел уходить со своего места, а вдруг придет дочь купеческая?

И та пришла. Он сразу ее головку златовласую в лучах закатного солнца приметил. Блестела лучами яркими, вся, как огонь, была. Подошла к нему Святослава да к дружкам его ратным, приветливо улыбнулась.

– Так вот кого друг наш меньший ждал! – рассмеялся Радомир. – Все с места трогаться не хотел. Ты меня лучше, девица, выбери, я вон какой красавец да сердце у меня мягкое, не то что у этого!

– Ишь ты какой, на чужих девок засматриваешься! – улыбнулась Мила да хлопнула молодца своего по лбу.

Святослава тоже рассмеялась да на Ярослава посмотрела. Тот не смеялся. Стоял спокойно, облокотившись на забор деревянный, но лицо напряжено было. А глаза серые так и ели ее всю. «Опять этот взгляд волчий! Неужели он без него не может?» – подумала Святослава да взор на подруг перевела.

– Ну, коли все собрались, пойдете медовую пить, – сказал Мстислав и, взяв под руку Ростиславу, пошел к люду гуляющему. А за ним и Радомир с Милой, о чем-то шушукаясь.

Ярослав нехотя от забора отошел да руку Святославе протянул.

– Сама пойду, – сказала та, головку гордо вскинув, и поспешила за парочками.

Новгородец только плечами пожал и следом пошел. Но девке голубоглазой с косою успел подмигнуть, чтобы его дождалась.

А гуляние было в самом разгаре. За столом люд пировал, медовуха рекой лилась, молодцы девиц на руках кружили, а те радостно верезжали да не жаловались. По площади медведя пляшущего водили, да скоморохи между ногами суетились. Люд был уже хмельной. Вот и протискивалась Святослава сквозь толпу. То тут толкнут, то там. А толпа пляшущих прямо на нее надвигалась. Испугалась Святослава, что затопчут, да чья-то сильная рука ее из толпы выхватила.

– Глаз да глаз за тобой, девица, – проворчал Ярослав недовольно. Не нравилось быть ему среди толпы большой. Не сейчас, когда Святослава рядом. Только и делал, что следил за ней постоянно да переживал, чтоб не ушибли девку.

А та только рассмеялась, хмельная уже была.

– Чего-то ты такой серьезный, Ярослав? Пойдем плясать!

– Не любо мне плясать, – отрезал хмуро.

– Тогда я сама пойду!

И не успел новгородец руку ее поймать, чтобы подле себя удержать, как юркнула она к пляшущим да стала с ними фигуры выводить. То ножкой притопнет, то рукой плавно взмахнет, то глазками сверкнет. А плясала Святослава славно. Ох как славно! Вся плавная, как лебедушка, хрупкая, как листок осиновый, да стройная, как лань. Волосы ее золотые огнем горят, щеки порозовели от танца бойкого, смеется звонко, белоснежные зубки оголяя, а глаза изумрудные так и светятся огнем чарующим. Люд красавицу пляшущую сразу приметил да вокруг нее собираться стал. Тут какой-то молодец вышел к ней навстречу, тоже в пляс пустился в присядь пританцовывая. Как орел, стал кружить вокруг нее да гарцевать, как конь необузданный. А Святослава еще пуще смеяться стала. Хорошо ей было, радостно. Давно так не гуляла, чай, уже пару годков.

Да Ярославу не до смеха было. Нахмурился пуще прежнего. Глазища серые сощурил сурово. Не нравилось ему все это. А молодец, что подле Святославы плясал, вдруг как схватит ее за талию да давай вокруг себя кружить, девицу приподняв. Новгородец тут же к нему кинулся. Оттолкнул с силой наглеца, тот аж наземь упал.

– Не про тебя девка! – рявкнул Ярослав гневно.

Схватил Святославу жестко за руку да начал из толпы уводить в сторону. Та вырывалась, охала от боли, но шла.

Ярослав из-за гнева своего не заметил, что из толпы им вслед такие же глаза суровые смотрят, только карие. Степан поодаль чуть стоял, наблюдал за всем. И молодца около Святославы пляшущего видел. И то, как он его Ладу за талию обнял. Но более всего ему не понравился дружинник молодой. Особенно как тот взял Святославу за руку, словно собственностью его она была. А та и пошла за ним смиренно, будто за суженым. Свирепо смотрел Степан вслед уходящей парочке. Жилы на его шее вздулись, глаза потемнели от гнева и зависти. Видно, мало у него времени осталось. Уведет новгородец деву красную у него, как есть уведет!

Ярослав же девицу отпустил, только когда на другую сторону перешли, подальше от гуляющих.

– Больно же! – крикнула ему Святослава обиженно.

– Еще больнее будет, коли так пред молодцами выплясывать станешь! – гневно сказал дружинник.

А Святослава только рассмеялась звучно, оголяя зубки ровные, украшенные губами алыми, как мед, сладкими.

– Сам меня на гуляния звал, а веселиться не даешь! Нет, молодец, не пойдет так. По твоему зову пришла, вот и буду гулять, как мне хочется. А ты делай, что хочешь. Хоть иди к той девке с косою, коей улыбался да подмигивал!

Ярослава ошарашило. Как прознала?

– Все видела, все заметила, – сказала девица, словно мысли его прочитала. – Не один ты такой зоркий. Небось, ночью с ней гулять будешь. Ну, раз так, то и мне не мешай. Или испугался чего?

– Мне страх неведом, – огрызнулся дружинник.

– Тогда пойдем к люду веселящемуся, мне нечего бояться со смелым молодцем.

И взглянула Святослава на него с вызовом. Новгородец лишь блеснул в ответ серыми глазами. Понял, что сегодня она изведет его по-своему, по-девичьи. Так сделает, что он не раз еще пожалеет, что позвал на празднования.

Так и случилось. Святослава всю резвилась, плясала, смеялась звонким голосом, а Ярослав то и делал, что молодец от нее отгонял назойливых. С одним даже чуть не подрался врукопашную, да друзья его подоспели и разняли.

– Ты чего это, Ярослав? – стали его бранить. – Негоже десятнику княжескому потасовки с простым людом устраивать.

Дружинник лишь плечами пожал. А что ему отвечать? Что вскипела в нем кровь, когда этот молодец Святославу в губы хотел поцеловать да промахнулся, в щеку девичью устами жадными угодив?

Надо было кончать все это. Правы друзья. Негоже ему кулаками махать на празднике, князь прогневаётся. Святославу домой отвести следовало, чай, смеркается уже. Вот и пусть сидит дома как девка честная да не мотает ему душу. Обернулся на нее, а та стоит с подругами да веселым смехом заливается, рассказывает, как ее молодец поцеловать решил, да не вышло.

– Пойдем, – оборвал ее смех Ярослав, потянув за руку.

– Куда пойдем? Плясать?

– Нет, домой отведу.

– Не пойду я! Гуляния еще не закончились, – топнула ножкой девица.

Ярослав рассвирепел, но не сделал глупости, а так хотелось ему эту лебединую шейку могучими руками обхватить да чуть-чуть придушить, чтобы смиренная сразу стала.

Он лишь стал напротив нее грудью широкой да повелительным взглядом окатил. Да таким холодным, что Святослава невольно сжалась, так ей страшно стало от зверя лютого,

что в нем сейчас проснулся. Как есть волк! И что же ей с ним делать? Никак приручить не получается. Спорить она с ним не стала более, знала, что только хуже будет, если послушается. Попрощалась с подружками, да и пошла к дому, а Ярослав – за ней тенью. Решил проводить до забора самого, люда много было на улице хмельного, мало ли...

Пока шли, прохожие все дивились странной парочке. Идут оба, да одна с головой понурой, а второй хмурый и грозный, словно на наказание девку свою ведет. Два мужичка, что навстречу им шли, хотели было к Святославе пристать, да Ярослав так на них гаркнул, что те убежали, не оборачиваясь.

Так и дошли до улочки, где стояли хоромы купца Кузьмина.

– Не провожай меня дальше, а то соседи приметят. Очень уж ты видный, – попросила молодца Святослава голоском нежным да покорным.

«Вот такой была бы всегда, все бы сладилось», – подумал Ярослав да девицу домой отпустил, проследив на всякий случай, как она за собой ворота закроет.

Нет, не позовет он ее больше на гуляния. Всю душу ему сегодня вытрясла. Понял, что специально так сделала, наказать хотела. И наказала. Он даже про девку с косою позабыл. А та, наверное, уже ушла, не дождалась молодца.

– Тьфу, – сплюнул зло Ярослав. Не дала Святослава ему сегодня ни отдохнуть по-молодецки, ни ночку с девкой провести. Ну ничего, гуляния еще две недельки будут идти, успеет свое наверстать да девку с косою отыщет.

Развернулся и пошел на покой в двор княжий. Да ночью долго заснуть не мог, все пред очами Святослава плясала. Ох как славно выплясывала, как солнышко искрилась весеннее. А смеялась как? Он все заснуть пытается, да смех девичий звонкий в ушах стоит. Ярослав еще долго ворочался на подстилке, под утро только и уснул.

А утром его сам князь разбудил.

– Вставай, десятник мой, разговор есть.

Вышли они на воздух свежий утренний, когда роса еще на траве была.

– Ты все дела ратного у меня просил. Не передумал еще за юбками бабскими?

Ярослав хмуро посмотрел на князя да обиженно.

– Да шучу я, дружинник мой. Знаю, что только о том и думаешь. Тогда слушай внимательно, что скажу. Когда Вересень закончится, возьмешь три десятка воинов удалых да смекалистых. Выедешь незаметно из Киева, чтоб никто не прознал. Направишься на Волгу-матушку с воинами. Там осядешь да с племенами местными подружишься. Особенно с вятичами. А коли дружить не захотят, силой принуди. Так и посиди там до весны, разузнай и про местность, и про племена кочующие, да про хазар, что рядом будут. Да только носа им не показывай. Тихо сиди. А по весне я с главной дружиною нагряну. Хазар бить станем! Они своими набегами на наши земли перед всем светом Русь на смех поднимают. Византия вон цены на товары подняла, слабость нашу почуяла. Вот и хочу усмирить хазар, да так, чтобы на всю жизнь запомнили! А с Византией мы потом тоже потолкуем да обратно свое потребуем. Справишься с задачей, десятник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.